

ЖУКОВСКОЕ РАЙОННОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Стожары

АЛЬМАНАХ

№ 1 (7)

Брянск
2018

УДК
ББК
С

*Перед вами седьмой сборник Жуковского районного
литературного объединения «Стожары».
Впервые в нём публикуются наравне со стихами
прозаические произведения. Надеемся, книга
не разочарует читателей.*

С **Стожары.** / Литературный альманах № 1(7). – Брянск,
2018. – 176 с.

Редактор и составитель В. П. Берзин
Дизайн и верстка Т. В. Черных
Корректор Н.А. Левченко
Идея обложки Н.М. Пугачёва

УДК
ББК

© Стожары, 2018

Жуковские «Стожары» появились на литературном небосклоне Брянской области 13 лет назад.

Этот период отмечен множеством событий – знаковых и обыденных, масштабных и местечковых: участием в фестивалях и конкурсах, встречами с читателями, творческими семинарами, выходами коллективных и авторских сборников.

Новым этапом в развитии жуковской литературы стало решение о выпуске ежегодного альманаха. На его страницах читатели познакомятся с произведениями как маститых авторов, так и новичков, только еще пробующих перо.

Профессиональные писатели и любители-энтузиасты, поэты и прозаики, без пяти минут гении и самокритичные скромники – всех их объединяет любовь к Слову, вылившаяся в строки, наполненные неподдельными чувствами и душевным теплом.

Наталья Кандаурова

Владимир Валентинович АРХИПОВ

Живёт в городе Жуковка. С детства любит природу, лес. Окончил Брянский технологический институт по специальности «Лесное хозяйство». Много лет проработал в этой отрасли. Вся его жизнь прошла рядом с рекой Десна, что отражается в стихах, написанных с любовью к природе. Печатался в областной и местной прессе.

В зеркале реки

Лето отражается в зеркале реки,
Смотрят в чудо-зеркало молча ивняки,
Елка одинокая берег стережёт,
Облачко игривое по волне плывёт.

Солнце раскаленное, прибавив прыть,
Сядет за ракитою малость приостыть.
И, купаясь в зареве, пропотевший день
Вдруг утонет в омуте, превратившись в тень.

Мужичок пузатенький головою вниз
С удочкой бамбуковой над водой повис.
И в закате розовом, в дрожи поплавка,
Видно неподдельное счастье рыбака...

Летний дождь

Облака упали в воду.
Дождь футболил поплавок.
Я покашлял на погоду –
Весь до ниточки промок.

Ночевавший за горою,
Чтоб испортить мне «зарю»
Пришумел ночной порою,
Но дождю я говорю:

– Ты, небесная стихия,
Мне любима и добра.
Не клюет – пишу стихи я,
Написал уж два ведра.

В этой капельке три слова,
В ручейке блестит строка.
Нежной веточкой сосновой
Из тумана стих соткал.

Завтра вон под тем дубочком,
Что пролил ты хорошо,
Дружно вылезут грибочки,
Там же вырастет стишок.

14 октября

Вот и он, осторожный, несмелый,
Этот первый октябрьский снежок,
Паутинками чистыми, белыми
Лёг на твой с кружевами платок.

И на плечи твои, губы алые,
На кладушку березовых дров.
Я сказал: – Рановато пожаловал!
Ты сказала: – Сегодня Покров...

На зорьке

Ах, как рыбка сегодня клевала,
Ах, как ярко горела заря!
Из-под рыжей волны выплывала,
Мне поклёвки шальные дая.

Всё в заре – камыши и подлесок,
Отдает позолотой роса.
Над водою тумана завеса.
На раките проснулась оса.

Не спеша повернула головку,
В лапки розовый лучик поймав.
И взлетела, по-своему ловко.
Ей хватает осиных забав...

Соловей вдруг звонком расхохочется.
Чудо – песнь, несравнима ни с чем!
И домой мне нисколько не хочется.
Душу рвешь мою, птаха, зачем?

Вот и рыбка моя отклевала.
Запленило уж солнце восток,
И бессовестно с неба упало
Ярким лучиком к рыбам в садок...

* * *

Молоком туман разлился
По-над берегом реки,
Да морозец крепко злился,
Но упрямы рыбаки.

Непогода – нам погода,
В дождь, метель поклевки ждем.
Из такого мы народа,
Что нигде не пропадем!

Проведённый день на речке
Прибавляет нам года.
И живем – то без аптечки.
– Едем с нами, господа!

У костра чайком напоим
И рюмашечку нальем.
Да частушки с перебоем
С вами вместе пропоем.

А какие анекдоты
Каждый сказывать готов:
Про лосиную охоту,
Про сома на пять пудов,

Что ушел на той неделе,
Оборвав стальной крючок.
Здесь по делу и без дела
Травит байки рыбачок!

Долго будет пахнуть дымом
Ваш поношенный тулуп.
... В недалёком обозримом
Пригласим в рыбацкий клуб!!!

Сон-травка

Голубыми глазенками светится
На полянке лесной сон – трава.
Как красуется, как невестится!
Не могу эту нежность сорвать.

Постою на полянке этой,
Прислонясь к молодой сосне,
И без сорванного букета
Я навстречу пойду Весне!

Зимняя рыбалка

Окуневая погода...
С другом выбрались на лед.
Друг – особенного рода –
У него всегда клюёт!

Позолочена мормышка,
Наговоренный крючок.
Окуней таскает Мишка,
Клюнул серенький бычок.

У меня ж поклевков мало,
Зря на лед приковылял.
Друг кричит: – Лови на сало,
Да поплюй на мотыля!

Сало съедено. Бутылка
Тоже выпита с утра.
... Почесал я у затылка –
Знать, домой идти пора!

Борча

Борча – рыбное местечко.
Заводь в пазухе реки,
Бриллиантовым колечком
Окружают ивняки.

Здесь кувшинок изобилие
Завораживает взгляд,
И поляны пёстрых лилий
Ярким пламенем горят.

А дубы с высокой горки
Здесьний климат стерегут.
Караси и краснопёрки
Поутру всю клюют.

И в черёмухе духмяной
Забияка – соловей
Полуночной, неустанной
Песней нежится своей.

Тут дымком в железной кружке
Вкусно пахнет терпкий чай.
Борча – милая подружка!
Еду вскорости, встречай.

Помаша, Десна, волною,
Да залейся соловьём.
В ней с сестрёнкою – весною
Детство плещется моё...

Письмо другу

Друг, привет, не звонил уж неделю,
Для меня это длительный срок.
Ты приедешь на Пасху в апреле?
Нынче ранняя Пасха, дружок!

Как и раньше встречать тебя буду
У дубов в нашем Красном селе.
Вести свежие бурно обсудим...
У соседки моей юбилей

Мы отметим. Завалим к ней в гости,
– Не ждала, – скажем, – Алла? Привет!
И под твой жизнерадостный тостик
Ей подарим тюльпанов букет.

А потом через серое поле
Под сырым морозящим дождем
Мы с тобой, уважаемый Голя,
На погост деревенский пойдём.

Средь дубов и в березах огромных
Наши предки в покое лежат.
Мы помянем их рюмочкой скромно,
Может, надобно, может, греша...

Приезжай, уж зима на исходе.
Пахнет терпко весною вокруг.
Будь уверен, в любую погоду
Ждет тебя самый преданный друг!!!

Еду в деревню

Еду в деревню, а сердце волнуется,
Как там наш сад – старичок?
Дедов колодец и тихие улицы?
Хлебушек в лавке почему?

Все доставляет «Газелька» добитая.
Цены доступны. Спасибо за то,
Что не совсем старики позабытые.
Боже, не глохни, мотор!

Не упадите, опоры подгнившие,
Щедры несущие свет,
В нашу деревню, еще не забывшую,
Где две старухи да дед

Ждут у забора продукты из города,
Деток своих и «Газель».
Мне же на сердце тревожно и холодно.
Скоро пасхальный апрель...

Праздник великий, главней не бывает.
Праздник – святая – святых!
К Пасхе водитель заказ принимает –
Нет у него выходных...

Февраль

Висит подушка на заборе.
На крыше – серебристый плед.
Сирень укрыта белой шторой,
На груше – светленький берет.

А небо нежно-голубое
С ленивым солнцем на плече
На луг наклеило обои
Из позолоченных лучей.

Покрыты вербы рваной ватой.
В подлеске слышен дятла стук.
Столб электрический солдатом
Стоит у поля на посту.

И только ветер стылый свищет
По перелескам и холмам.
Неугомонный что-то ищет.
... О, сколько дров он наломал

За эти месяцы лихие,
Забыв, что есть всему конец,
И скоро новую стихию
Весна возьмет под свой венец!

* * *

Проснулся. Солнце подмигнуло
Мне спозаранку невзначай,
На кухню заревом шагнуло
Ко мне бессовестно на чай...

Я ж, растерявшись от визита
Такого гостя свысока,
Еще помятый и небритый
Стал угощения искать.

Мёд под рукой, пирог вчерашний
Не смог испортиться ещё.
Ну, не кормить же Солнце кашей,
Зачем же потчевать борщом...

Чем там небесное светило
Питалось в дали неземной,
Что на высотах ело, пило
Вдвоём, с подругою-Луной?

Пока раздумывал, игрались
В посуде лучики. И вот
Себе сказал: – А не пора ли
Нам скушать вкусный бутерброд?

Я дело знал. Горело Солнце,
Переходило утро в день.
И, перегревшись на оконце,
Светило одолела лень...

Как будто по её заказу,
Приплыли мирно из-за гор
Две тучки. Потемнели сразу
Наш дом, деревья и забор.

Исчезли лучики с посуды,
Так и не занятой борщом.
От солнца потеряв рассудок,
Я вспомнил, что не брит ещё...

Валентина Лазаревна БАРАНОВА

Живёт в посёлке Гостиловка Жуковского района. Пенсионер, ветеран здравоохранения. Автор сборников прозы и поэзии: «Святой источник» (2008), «Сердцу милый край» (2009), «Свет далёкой звезды» (2010), «Живая вода» (2015), «Далёкое и близкое» (2018).

Великоднѧ

Уверена, что многие не знают значения этого слова, которое является синонимом Великого праздника, почитаемого православными, – Пасхи. Это на белорусском языке одно и то же – Пасха, Великоднѧ. Мы, жители Белоруссии, слышали их с самого детства («Скоро ли Великоднѧ?» «Когда будет Великоднѧ?»).

В моей родной, милой деревне в советское время никогда не было церкви: ни до революции, ни после неё, а теперь тем более не будет. Зато школа была во все времена. Мой отец окончил её в 1904 году. У него 4 класса образования. Можно в наше время шутить на этот счет, но оно было весьма внушительным по тем временам. Он знал много молитв: «Отче наш», «Верую», «Богородица, дева, радуйся», много стихотворений классиков: Н. Некрасова, А.С. Пушкина и других. Папа читал газеты и имел суждения на любые политические темы.

Наша церковь находилась за семь километров. Как говорится в одном изречении, семь верст и всё лесом, который начинал-

ся от нашей деревни и до самой Кулешовки. Мы и почитали, и уважали Кулешовку за то, что там было такое значимое здание, в котором молились, крестились, венчались. В мою юность эти обряды уже начали отступать, но все равно в сознании держались и сохраняются до сих пор.

С точки зрения архитектуры, церковь была очень интересная: стены деревянные, срублена топором без единого гвоздя. Это остается загадкой, как можно было сделать трудом человека такую красоту! На фасаде дата открытия – 1876 год. Как во всякой церкви, в ней много было башенок. Но она имела ещё одну особенность, которой я не замечала ни в одной другой церкви: купола венчали кресты, сделанные из особого сплава, не помутневшего, не поржавевшего за века. Они блестели, как зеркало, при любой погоде: пасмурной, дождливой, снежной, морозной, вьюжной, не говоря уже о солнечной.

Кто был архитектором? Имя его неизвестно, тайну скрывает время, а очень хотелось бы знать. Этот храм хранило время. Он пережил революцию, Великую Отечественную войну, послевоенное время. И только совсем недавно, года три назад, церковь разобрали по бревнышку и увезли в неизвестном направлении. Она не пережила перестройку. Умерла вместе с Кулешовкой, где она прописалась, и теми деревнями, которые ее окружали. Ушёл из жизни священник, который служил в этой церкви и жил рядом с ней.

Больше двух веков простояла церковь. Ей требовался серьёзный ремонт, но, по всей видимости, таких денег не нашлось. Батюшка умер, и некому стало хлопотать о реставрации.

Говорят, все, кто разбирали церковь, скончались. Насколько это правда, я не знаю, но что её больше нет, очень жаль. Как было бы хорошо, если б она возродилась, если б возродились те деревни, которые были вокруг неё: Кораблево, Титовка, Полохово, Дорожковка и многие другие!

Я хочу написать добрые слова о местном священнике, хотя и не помню ни его имени, ни фамилии. Несмотря на гонения во время советской власти, он продолжал делать свое дело:

венчал, крестил (иногда тайно, в том числе детей коммунистов), исповедовал, причащал. Вечная ему память и царствие небесное!

Ещё хочу рассказать, как я в первый раз посетила нашу церковь, с каким благоговением и трепетом. Мне уже было 18 лет, я училась в медицинском училище и, приехав на выходные, организовала своих подружек – Нину и Раису – сходить на Всенощную перед Пасхой. Да, я ни разу не была в церкви, так получилось, она была далеко, и нашим мамам некогда было нас водить.

В послевоенное время надо было выживать, и тут уже было не до церкви.

Так вот, мама собрала мне узелочек, где были крашеные яйца, кулич, домашняя колбаска, кусочек ветчины, творог. Мы отправились засветло, чтоб пройти лес без страха. Надо сказать, что в то время люди наконец вздохнули с облегчением и понемногу стали забывать войну. Не было случаев разбоя, убийств на почве наживы. Это было время, когда двери можно было держать открытыми, что надежней любого замка.

Вышли из леса к Кулешовке и услышали колокольный звон. Значит, началась вечерняя служба.

Воздух был в апреле по-вечернему свежим и чистым. Снег уже сошел, но кое-где ещё держался под кустами, в лощинках. Речка была в разливе. Под ногами ещё хрустел ледок.

В церкви при свете свечей было сумрачно. О том, что в церкви собралось много народу, можно было догадаться по теням на стенах. Мы сразу как будто окунались в другой мир. Слышались слаженные и вдохновенные голоса певчих.

Заняв место в правом углу храма, стали осматриваться. Надо сказать, что в помещении было не только сумеречно, но и прохладно. С улицы этого не заметили, разгоряченные ходьбой, но потом стали понемногу замерзать, особенно ноги, хотя предусмотрительно были обуты в валеночки. Но, конечно, терпели и не жаловались. Хотелось спать, и дремали стоя, но это не мешало нам наблюдать и слушать пение. Время подходило к по-

луночи, и вдруг батюшка произнес: «Христос Воскресе!» Народ ответил: «Воистину Воскресе!»

Вдохновенное пение продолжалось до самого рассвета: «Христос Воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробе живот даровав». Потом я заметила, что в окнах, забранных решеткой, стало светлеть. Начинаясь рассвет. И вдруг мне вспомнилась (прости меня, Господи!) повесть Н.В.Гоголя «Вий». Как на рассвете черти бросились в окна, спасаясь бегством, да так и застряли там. Я смотрела на окна, словно хотела увидеть этих тварей.

И вот наконец рассвело. Начинаясь утро, батюшка повел народ (и мы вместе со всеми) к выходу. Когда пробрались на улицу, я зажмурилась от восходящего солнца. Лучи его осветили край неба, заря заалела яркими красками. Это было так необычно, так торжественно, радостно и впечатляюще, что запомнилось на всю жизнь.

Люди стали в один ряд, мы расстелили покрывальце прямо на ледке, и батюшка начал освящение. Он был красив со своей белой, светлой ризой и седой до пояса бородой. Я смотрела на него и радовалась наступившему празднику.

Закончилось освящение, и, собрав свои узелочки, мы почти бегом оправились домой. Обратный путь я помню до сих пор. Он был, кажется, таким, как и всегда, в то же время, необычным. Несмотря на то, что мы простояли всю ночь, не было и намека на усталость. Казалось, через лес промчались за минуту. Всё из-за праздничного настроения.

И вдруг на выходе из леса я вспомнила, что здесь недалеко, в лесочке под названием Рожок, есть большая и глубокая яма, возле которой всегда растут первые весенние цветы. Никто не помнил её происхождения. В глубину метров 20, а может и больше, а в окружности метров 100–150. Она была пологая, летом и зимой заросшая кустарником и не очень высокими деревьями: березками, калиной, рябиной. На дне стояла вода, потому что дно было всегда в тени от кустарников и деревьев.

Весной вокруг ямы, как только начинал таять снег, всегда распускались первые подснежники. Затем следом расцветали фиалки. Они были тоже невысокими, но все-таки крупнее, чем подснежники. Ножки у фиалок махровые, нежные, и сверху их венчает крупный махровый бутон с желтенькой тычинкой посередине.

Захотелось посмотреть, появились ли цветы. Это было совсем недалеко, и мы побежали.

Да, ожидания увенчались успехом. Мы сразу наткнулись на полянку с подснежниками. Они опустили свои головки к земле, словно искали защиты у матери от холода, ведь ночью был мороз. Я опустилась на колени, готовая их расцеловать за дарованную нам радость. Цветы были крохотные и еще не набрали силу. Фиалок мы не нашли, потому что они появляются в мае.

Встреча с подснежниками добавила нам радости от праздника Пасхи – Великодня.

Мы вернулись на дорогу и вскоре расстались, потому что наши дома были поблизости. Несмотря на утро, никто не топил печи, и дымок над хатами не было видно. Не положено в этот день топить печь и готовить еду. Меня встретила мама, мы обнялись и вошли в дом. Она быстро накрыла стол из моих освященных в церкви продуктов, добавила еще приготовленные с вечера – яичницу-омлет и оладьи в сметане – позвала папу и праздник начался.

Да будет благословен этот праздник Пасхи на все века!

Утро России

Скоро начинается рассвет,
Стелятся туманы над рекой,
Крадучись, плывут из разных мест,
Словно увлекают за собой.
Слушаю земную тишину,

Дружится она с моей тоской.
Солнца луч растопит пелену,
И в душе поселится покой.
Капелька росы как бриллиант,
В ней сверканье голубых небес.
У природы есть такой талант:
Похваляться россыпью чудес.
Утро плавно переходит в день,
Ветер все туманы унесет.
Солнца луч скользнет в лесную тень,
А меня в дорогу позовет.
Как же благодарна я судьбе!
Вижу журавлей летящих стаю,
В долгом крике, клятве и мольбе
Возгласы прощанья различаю.

Осенний сад

Осень наступила, загрустил наш сад,
Облетели листья, потускнел наряд.
Гулко плачет ветер, словно на беду,
Лист опавший гонит к тёмному пруду.
Почернели ветки, знаю, неспроста,
Мелкий дождик сыплет, на душе тоска.
И не слышно больше птичьих голосов,
Спрятались, наверно, в тёплых дуплах сов.
Низко плывут тучи, накрывают сад,
Словно говорят нам: «Нет пути назад».
Наклонились ветки, как теперь нам быть?
Как метели, вьюги, стужу пережить?
Нежно обниму я яблоньку рукой,
Не грусти, родная, расцветёшь весной.
Будешь ты прекрасна в розовом цвету,
Всё же непременно я к тебе приду.

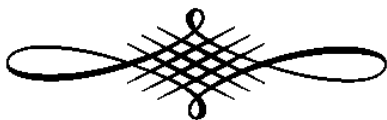
Память

Давно отгремели атаки,
Войны не забыть нам лица.
Не рдеют давно уже маки
На ране смертельной бойца.
Но где-то страдает старушка
О младшеньком сыне своём.
С войны не вернулся Ванюшка,
И думы все только о нём.
Бежал впереди он в атаку,
Приказ был: «Занять высоту!»
Вступал он в смертельную драку,
Последний прыжок в пустоту.
И вдруг подломились колени,
Упал он лицом на песок,
Сгущались тревожные тени –
Смертельная рана в висок.
И поле родное осталось
В померкнувшем взоре бойца,
Навеки оно с ним прощалось,
Вдали от родного крыльца.

Мишину Н.А.

Как живой, ты стоишь перед нами,
С неизменной улыбкой своей.
И душа твоя за облаками,
Освещенная светом лучей.
Ты был добр, учтив и галантен,
В настроенье хорошем всегда,
Гладко выбрит, красив, аккуратен,
И тебе не мешали года.

А стихи у тебя о природе,
О любимой семье, сыновьях,
Отражали капризы погоды,
О зелёных просторных лугах.
Мы скорбим по тебе, наш товарищ.
Есть у каждого путь свой, стезя.
Что случилось, того не исправишь...
Пухом вечным пусть будет земля.
Говорят, что душа улетает,
И быть может, сегодня она,
Словно бабочка, рядом порхает,
Где хозяйкой всему – тишина.

Галина Александровна БАРАНОВА

Живёт в городе Жуковка Брянской области. Автор поэтических книг «У речки Безымянки», «Души нетленные истоки», «Зима чаровница». Публиковалась в двадцати поэтических сборниках. Член Российского союза писателей. В 2011 году награждена дипломом Гран-При за участие в конкурсе «Любовью мир преобразжай», объявленного по Брянской области. Дипломант национальной литературной премии «Поэт года» (2013 год).

Награждена памятной медалью

Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» и дипломом полуфиналиста (2016 год), почетным знаком призёра Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2017 год). Номинант Литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» (2017 год).

Синеокая Россия

Стелет ярким ситцем травушка,
Да шумит, словно волна.
Идёт девушка, как павушка,
Как берёзонька, стройна.
А глаза – озёра синие,
Да цветастый сарафан,
Обвивает Волга линией
Грациозный, русский стан.

Добротой повсюду славится.
Голос реченькой журчит.
Идёт девушка – красавица,
Словно пташечка летит.
Зимой платье красит инеем,
И в подснежники весной.
А глаза небесно-синие
С поволокою земной.

Ветерок играет ласковый,
И румянится рассвет.
Под ногами луг ромашковый,
В небесах лазури цвет.
Отражают краской синею
Незабудки, иван – чай!
Как зовут тебя? «Россиєю, –
Отвечает, – величай»

Свенский монастырь

Над Десною дымка тает
Голубую тенью.
И как будто бы взлетают
Лебеди над Свенью.

То обитель светлым строем
Распахнула стены вширь,
Князем Брянским здесь построен
Древний Свенский монастырь.

Красотой простой чарует,
Чистотой и статью.
Души страждущих врачует
Чудной благодатью.

Говорят, царь Иван Грозный,
Чтоб простил Господь вину,
Здесь, скорбя, молился слёзно,
Часто жертвовал казну.

Возле речки синеокой,
Там, где берег правый,
Древний дуб стоит высокий,
Словно стражник бравый.

Его гнули и качали
Время и ветра,
По легенде, здесь встречали
Первого Петра.

Он под сенью дуба бродит,
Ждёт любви желанной,
И из тёмных вод выходит
Молодая Ганна.

Слышишь, колокол, взлетая,
Над родной землёй поёт?
Здесь, в обители, святая
Вера русская живёт!

Город, сердцу милый

Жуковка проснулась.
С колокольным звоном
Птицей встрепенулась
В бархате зелёном.

Город, сердцу милый,
Все знакомы лица.

И легли чернила
Строчкой на страницу.

Признаюсь негромко,
Ты как друг мой лучший.
Милую сторонку
Уж прославил Тютчев.

Помнишь, деды смело
Шли на подвиг правый,
И взметнулась стела
Партизанской славы!

Мы назло тревогам
Неподвластны бедам,
По крутым дорогам
Мчим велосипедом.

Пусть же расцветает
Город с каждым годом!
Ясно солнце тает
Где-то за заводом.

Закат над Десной

Закат осторожно цеплялся за кровлю,
В прибрежном лесу пьяный ветер бродил.
Река золотая окрасилась кровью,
Как будто луч солнца в капкан угодил.

Вечер сиреневый гас с каждым шагом.
Накрылись кувшинки широким листом.
Лентой коричневой, гибким зигзагом
Плавала быстро змея под мостом.

Выгнули спины как серые кошки,
Волны в стремнине бежали к ручью,
И потемнели средь веток окошки.
Ночь-чаровница задула свечу.

Терпко повеяло осени тлением.
Я уходила тропинкой лесной
И уносила с собой впечатления,
Что подарил мне закат над Десной.

Старушка и соловей

Майским утром с рассветом лазурным
Соловей потревожил покой.
Собирая бутылки по урнам,
Шла старушка с подругой-клюкой.

Велика на плечах безрукавка,
И пакет целлофановый смят,
Хоть какая-то будет прибавка
К малой пенсии в семь пятьдесят.

Знать, приходится бабушке туго,
Знает бедная денежке счёт.
И с какого-то вдруг перепуга
Соловей ей о жизни поёт?

Стало грустно, старушка молчала:
«Ох, и славно пичуга поёт!»
Соловей начинал всё сначала:
Что он ест, а не сеет, не жнёт.

«Птаха малая, я очень рада,
Что ты весел, привольно живёшь,

Но учить меня жизни не надо –
Со своей колокольни поёшь.

Я не птица, чтоб зёрнышки кушать.
Услаждай молодых, мил дружок.
Мне бы, старой, кукушку послушать,
Может быть, прокукует разок».

Что кукушка, в ней много ли проку?
И зачем тебе знать этот срок?
Ведом он из пророков пророку.
Что отмерено, знает лишь Бог.

Наш романс

*«Я удалюсь, чтоб искушенье
Меня коснуться не могло:
Эдема чистое виденье,
Всегда б мечту мою влекло.»*

Д.Г. Байрон

Ты не дарил роскошных роз,
Любовь открыл мне в стансе.
И затаённый твой вопрос
Вдруг прозвучал в романсе:
«Хочу любовь свою спросить:
Она какую будет?
Ты будешь ли меня любить,
Забыла ли, забудешь?»

Как много лет прошло с тех пор,
Кукушка пусть считает,
Твой милый, нежный, ясный взор
Мне память возвращает.

С листочка нам росы не пить,
Былое не разбудишь:
«Ты будешь ли меня любить,
Забыла ли, забудешь?»

А кто-то внёс в любовь раздор,
Тропинки разбежались.
И не было ненужных ссор,
Но мы с тобой расстались.
Давно цветёт невестой сныть,
Пройдёшь – цветы погубишь:
«Ты будешь ли меня любить,
Забыл, или забудешь?»

Незабудки

Красил сполох атлас взбалмошной ночи.
Любопытный месяц высунул рожки.
Мы, наверное, любили очень!
А судьба прошла, как чёрная кошка.

Вовсе не было причины расстаться,
Нежность рук разъять никак не хотели.
Но как будто поклялись не встречаться.
С той поры уж десять лет пролетели.

Снова встретимся с тобою? Едва ли.
Не сошлись у нас, видно, дорожки.
Помнишь, как мы светлячков собирали?
Они гасли у тебя на ладошке...

Прилетают, будто сны, грёзы.
И проходят, словно час, сутки.
Где любовь роняла жгучие слёзы,
Там синеют бирюзой незабудки.

*Я желала уйти
за звездою летящей*

Я любовью жила тридцать лет и три года,
Его в вечность унёс сизокрылый туман.
Двадцать лет нас встречали чудесной погодой,
А тринадцать шумел грозовой ураган.

Я с надеждой ждала, что гроза вот уймётся,
Все обиды забудутся, я подожду.
Улетевшее счастье к нам снова вернётся.
Не вернулось, и я в одиночку иду.

Нелегко расстаюсь, и знакомиться – сложно.
Мне одной неуютно, такие дела.
Ведь, изведав любовь, не любить невозможно.
А любимого смерть за собой увела.

Мы, наверное, с ним крепко за руки взялись,
Будь ещё один случай счастливый у нас.
И быть может, тогда б никогда не расстались,
Недоступная грань разделяет сейчас.

Я желала уйти за звездою летящей,
Чтобы встретиться с милым на Млечном Пути,
Только много ещё важных дел в настоящем,
Значит, рано пока за звездою идти.

Суета

Суета всё; шум и гам,
Ропот уши режет,
А душа манит во Храм,
Только кто – то держит.

Собираюсь, встала лень
Тенью у порога,
Так за днём проходит день
Вдалеке от Бога.

В Храме Истина свята!
Я искренно молилась,
Но за мною суета
Следом просочилась.

От неё ведь столько бед,
С ней одна морока:
Я смотрю, кто как одет,
И крещусь без срока.

Сквозь нарочитый туман
Пропускаю речи,
Руку сунула в карман –
Поломала свечи!

Невзначай оплошность та,
Покупать придётся –
Надо мною суета
Пакостит, смеётся,

Чудит много на миру.
Прекращу с ней дружбу
И отныне не беру
Суету на службу.

Я на ярмарке гуляла

Я на ярмарке гуляла
На Андреевском лугу.
Вдруг мужчину увидела
На деснянском берегу.

Тростью новою сверкает,
Шарф, цилиндр и камзол,
То ли вирши сочиняет,
То ли что купить зашёл.

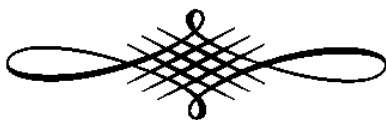
Ах, мужчина интересный,
Я к нему скорей бегу...
Образ вроде бы известный,
Только вспомнить не могу.

Для него на всё готова,
Лишь его в мужья возьму,
А похож он на Пруткова,
На сатирика Козьму.

Целовала да кохала
Я его без лишних слов...
Женский голос услышала:
«Я же – баба, не Прутков!»

«Что ты, дама, прицепилась,
В сотый раз тебе кричу?
Я в Пруткова нарядилась,
Мужика сама хочу!»

Жаль, мужчин, к любви готовых,
С фонарём не отыскать.
Подходить боюсь к Прутковым -
Вдруг да ряженный опять!

Вячеслав Петрович БЕРЗИН

Живёт в Жуковке. Работает в Жуковской межрайонной больнице Брянской области, заведует травматологическим отделением. Член международного Союза писателей и мастеров искусств, Брянского областного литературного объединения Брянского отделения Союза писателей России. Руководит Жуковским районным литературным объединением

«Стожары». Автор поэтического сборника «Бесконечность» (2010), сборника рассказов «Новеллы дождя» (2015), повести «Стройотряд» (2016), прозаического сборника «Что будет, то будет» (2018).

Мноновенная карма

Кирилл Алексеевич, не отрываясь, смотрел в монитор компьютера и бойко щёлкал «мышкой». Несмотря на преклонный возраст, он был активным «юзером» и обращался с оргтехникой на «ты». Жена Нина не одобряла легкомысленного увлечения. Вот и сейчас она разразилась тирадой:

– Сидишь, лодырь? Лучше бы занялся делом, чем шлёпать по кнопкам. По дому проблем не сосчитать, а ты будто не видишь. Вечно ждёшь, что носом ткну, тогда и оторвёшь зад от кресла.

– Во, села на любимого конька! Не бубни, дай отдохнуть в выходной!

– Уже полдня сачкуешь. Давай решать вопрос с ремонтом. Тебе нравятся наши двери?

– Двери как двери. Немного, разве что, поцарапаны.

– Это называется немного? Да на них живого места нет! Всё отговаривался: «Когда внук подрастёт». Данька в школу скоро пойдёт, а ты всё тянешь кота за хвост. Больше не будет гонять по дому на машине и ничего не повредит. Так что возражений не принимаю. Ищи мастеров, а то скоро дачный сезон, не до ремонта будет.

Это правда. Кирилл Алексеевич и сам понимал, что пора заняться квартирой. Продолжая работать на пенсии, он старался закончить капитальные вложения до того, как бросит трудовую деятельность. Страшно было представить, каково это быть полноценным пенсионером: спать, сколько захочешь, не бриться каждый день, не вздрагивать от ночных звонков («Опять меня?») Правильно Нина говорит, что всему своё время. Не сделаешь капитальный ремонт сейчас, потом не найдёшь таких денег.

«Контора» внушала доверие: солидный офис, дорогая мебель, услужливые клерки.

– Всё сделаем в лучшем виде, не волнуйтесь.

Ударили по рукам. Начали резво: разобрали пол в спальне, сняли часть штукатурки и стали выравнивать стены. Первый звоночек прозвучал на второй день, когда после строительных манипуляций потёк радиатор отопления. Исправляли полдня, чуть не залили квартиру этажом ниже. Справились. Потом выяснилось, что не там уложили телевизионный кабель под штукатуркой. Разломали, переделали. Терпение кончилось вместе с жалобой соседа:

– У нас что-то течёт с потолка.

Спустившись по лестнице, Кирилл Алексеевич опешил: на дорогое покрывало в спальне капал битум.

– Вы куда глядели, когда заливали гидроизоляцию?! – орал он на горе – строителей. – Неужели нельзя было щели между перекрытиями замазать раствором?

В тот же день контракт с «конторой» был расторгнут.

– Что дальше? – ныла Нина. – Так и будем в грязи жить?

– Не скули, разберусь.

Кирилл Алексеевич пожаловался на службу:

– Связался с безрукими строителями, выгнал их, а замены не найду.

– Алексеевич, – поделился коллега, – в позапрошлом году один парень ремонтировал мне ванную. Толковый, рекомендую. Телефончик дать?

Высокий, худощавый, лет двадцати пяти, с открытым взглядом Костя чем-то располагал к себе, внушая доверие. А ещё он понравился деловитостью.

– Хозяин, – успокоил при встрече, – не волнуйтесь, справимся.

– Сколько вас?

– Я да жена. Живём недалеко – в двадцати километрах.

– Чем будете добираться?

– На своей машине. Пусть не новая, но на ходу.

Обговорили цену, сроки. Всё пошло по плану. Работали на совесть, не сачковали. И Нина к ним по-человечески: то чаем с бутербродами напоит, то банку домашнего компота откроет, то выпечкой угостит. Кирилл Алексеевич, возвращаясь с работы, с удовлетворением отмечал изменения: туалет и ванну закончили, половую плитку уложили в коридоре. Осталось ламинат постелить по комнатам да обои поклеить. Двери установят другие мастера.

В понедельник ни Костя, ни Света не появились. В одиннадцать часов раздался звонок:

– Алексеевич, поломалась машина. Я в областном центре, ищу запчасть.

Так прошло два дня. Вечером Нина говорит мужу:

– Приезжали ребята. Сказали, что ремонт обойдётся в сумму, которой вся машина не стоит. Нашли другую по объявлению. Просят займы сто тысяч рублей.

– И что, ты собираешься дать?

– Кирюша, а как быть? Искать новых мастеров? Тут работы осталось немного. Давай поможем.

– Что-то меня терзают сомнения. Мы их не знаем, а ты, сердобольная, расщедриться готова.

– Ну, что тебе стоит? Надо выручить.

– Я подумаю.

Думал вечер, ночью спал беспокойно. Утром Нина опять завела старую песню:

– Снимем деньги с пенсионного вклада. Ремонт-то надо заканчивать. Сколько можно по грязи топтать?!

– Ты как репей – не отстанешь. Чёрт с тобой. Но смотри: не вернут долг – пеняй на себя.

– Ладно-ладно, – Нина с чувством поцеловала мужа в щеку:

– Без расписки не дадим.

Составили договор займа.

– Вернёте долг через три месяца.

– Замётано.

Через десять дней работы закончились. Следом заменили двери. Красоту изменившегося интерьера подчёркивала новая мебель. Света похвалила:

– Какой у вас замечательный вкус! В Интернете высмотрели?

– Нет, у жены в голове такие фантазии.

– Вам бы дизайнером работать.

– Вот мой дизайн, – Нина показала на кухонную посуду.

Вскоре Костя позвонил и предложил:

– Алексеевич, вы говорили, что собираетесь делать ремонт на даче. Может, нам поработать в счёт долга?

– Мы думали на следующий год заняться, но раз такие обстоятельства, давайте. Когда начнёте?

– Хоть завтра.

Закупили строительные материалы, приступили к обновлению. Вечером в первый день Костя попросил:

– Мы сейчас безработные. Дайте пару тысяч на бензин и чего-нибудь на жизнь.

Кирилл Алексеевич раскрыл кошелёк, достал четыре купюры. Через несколько дней Света пожаловалась:

– За коммунальные услуги платить нечем.

Дали в долг ещё три тысячи. Следом ещё тысячу на бензин. Кирилл Алексеевич не выдержал:

– Ребята, вы за долг не рассчитались, а набираете новый. Мы ведь не касса взаимопомощи. Даю три дня на завершение работ.

Подошёл день окончательного расчёта. Костя принёс калькуляцию. Кирилл Алексеевич внимательно посмотрел:

– Ламинат... Так, не тридцать квадратов, а двадцать семь. Потолок... То же самое. Установка двери. Она что, золотая? Ну, вы и задрали цены! Смотрите средние по городу – переписал из интернета.

Пересчитали заново.

– Вот и получается, Костя, что не пятьдесят тысяч стоит ремонт, а всего тридцать шесть. Отнимаем эту сумму от ста тысяч, прибавляем расходы на коммунальные услуги и «на жизнь». Бензин (Бог с вами!) считать не будем. Итого к возврату шестьдесят девять тысяч. И два месяца сроку.

Составили новую долговую расписку.

– Хозяин, мы думали, что на прощание что-то наличными перепадёт, а то продукты купить не на что.

– Нет, друзья, надо иметь совесть! Мы не дойная корова!

Расстались недовольными друг другом.

Прошло два месяца. Потом ещё один. Набрав номер телефона Кости, Кирилл Алексеевич в ответ услышал только бесконечные гудки. Не поленившись, съездил в посёлок. Соседка покачала головой:

– Давно их не видела. Куда-то уехали, наверно.

Ещё через две недели позвонила Света:

– Мы на юге у сестры. Как приедем – рассчитаемся.

Кирилл Алексеевич разозлился:

– Все сроки прошли! Если в течение трёх дней долг не будет возвращён, я подаю в суд. А там пеняйте на себя, судебные приставы могут и машину забрать.

На следующий день подошёл молодой человек и представился:

– Я от Кости и Светы. Вот, они передали, – и протянул бумажный свёрток. Пересчитав деньги, Кирилл Алексеевич спросил:

– Ничего не просили?

– Отдать их расписки.

– Держите. И мою расписку, что деньги возвращены и претензий не имею.

– Всё, Нина, больше я на твои сомнительные мероприятия не поддаюсь. Удивляюсь, как ты меня уговорила.

Жена хитро улыбнулась.

– Лиса Патрикеевна, – добавил Кирилл Алексеевич.

Как-то поздно вечером супруги возвращались из областного центра. Заехав в широкий двор многоэтажки, он увидел, как полыхнуло пламя на воротах их гаража, и чья-то тень метнулась за угол. Побежав следом, Кирилл Алексеевич проводил взглядом отъехавшую светлую легковушку, быстро сбил огонь пеной из огнетушителя и, сунув его в руки жене, скороговоркой сказал:

– Нина, иди домой, я скоро вернусь.

– Не догонишь.

– Ему некуда деваться, тут одна дорога на выезд.

Он стремглав запрыгнул на водительское сиденье и помчался за поджигателем. Мощный двигатель оглашал рёвом спальный район, колёса скрипели на поворотах. Через несколько минут в свете фар показался знакомый автомобильный силуэт. «Это же Костин номер!» Кирилл Алексеевич нажал на клаксон и попытал-

сы опередить машину, но та виляла по дороге и препятствовала обгону. В какой-то момент впереди идущая легковушка на повороте зацепила правыми колёсами обочину, нырнула в заносе влево, потом в противоположную сторону. Потеряв управление, она перевернулась несколько раз и, перелетев кювет, приземлилась на крышу. Подбежав, Кирилл Алексеевич вытянул Костю через боковое окно и стал потихоньку шлёпать по щекам:

– Очнись! Костя, открой глаза!

Тот с трудом поднял веки. Кирилл Алексеевич ухватил обеими руками воротник рубашки и, приблизив к себе окровавленное лицо, спросил:

– За что?

Парень через боль усмехнулся и ответил с ненавистью:

– Не люблю богатеньких! – и потерял сознание.

«Скорая помощь» и полицейская «десятка» приехали почти одновременно. Костю положили на носилки и увезли в больницу, а Кирилла Алексеевича долго допрашивали. Выслушав его, офицер улыбнулся:

– Instant karma!

– Не понял.

– Мгновенная карма.

– Что это?

– Человек получил ответно то, что заслужил, – пояснил другой полицейский. – Так нередко случается.

Домой Кирилл Алексеевич вернулся далеко за полночь. Устало опустившись на стул, тихо произнёс:

– Догнал. Будет ли жить, не знаю. «Скорая» увезла.

Помолчал. Добавил:

– Тоже мне, нашёл богатеньких. Я, блин, чтобы обеспечить семью, пашу на двух работах, а некоторые меня за это осуждают.

Потом жёстко сказал:

– Никогда, слышишь, никогда не ввязывай меня в авантюры! Тем более, с малознакомыми людьми!

И громко хлопнул по столу ладонью.

Школа пилотов

– Подъём!

Команда в тишине раннего утра прозвучала резко, как выстрел. Инструктор лётной школы Пётр Барташов пружинисто соскочил на пол, в темноте на ощупь надел брюки-галифе, накрутил на ноги портянки и, подняв ножки кровати, вытащил из-под них сапоги, спрятанные туда от воров. Выбежав из казармы на построение, он занял своё место в строю и взглянул на часы. 5:15. «Рановато!» Курсанты и офицеры, продолжая на ходу приводить в порядок форму, становились в ряд и тихо переговаривались:

– Что случилось?

– Леший его знает. Сейчас услышим от командира.

– Равняйся! Смирно! Равнение на середину!

Начальник лётной школы подполковник Старостин, откашлявшись, громко заговорил:

– Товарищи! Враг стоит на подступах к столице нашей Родины. Чтобы остановить фашистов, надо сделать всё зависящее от нас. Как можно больше пилотов должны сесть в кабины самолётов! С сегодняшнего дня отменяются все увольнительные. Необходимо увеличить число часов налёта курсантами. Забудьте об отдыхе – Отчизна в опасности!

Он оглядел строй и добавил отечески:

– Сынки, не подведите!

Расходились молча. Что тут комментировать? И так всё ясно.

Посадив в переднюю кабину очередного курсанта, Пётр пристегнулся и скомандовал:

– Заводи!

УТИ-2 плавно заскользил, набирая высоту. Холод проникал сквозь одежду, унты и лётную куртку. Худое, жилистое тело пилота с трудом удерживало тепло, потёртые шерстяные носки согревали слабо, на ресницах намёрзли кристаллики льда. Съёжившись, Барташов вполглаза наблюдал за действия-

ми подопечного, а сам сверху разглядывал зимний лес. Морозный воздух был неподвижен. Солнце постепенно поднималось над горизонтом, освещая верхушки вековых сосен, укрытых шапками снега. Яркие лучи, отражаясь от инея на крыльях, слепили. Казалось, что самолёт летит в огненном зареве и вот-вот загорится.

Маршрут заканчивался. Подскочив при посадке, УТИ выровнялся и побежал по рулѐжной дорожке. Пётр слез с крыла и, подпрыгивая на месте, стал разминать затѐкшие ноги.

– Как курсант? – поинтересовался подошедший командир эскадрильи Морозов.

– Нормально. Надо ещё поработать над посадкой, а так справляется.

– Ну, ладно. Перекури и полетишь со следующим.

– Товарищ командир! – взмолился Барташов, глядя снизу вверх на высокорослого капитана. – Я уже четверых сегодня вывез на круг. Дайте хоть немного отдохнуть!

Капитан похлопал по плечу:

– Все мы отдохнём после победы.

И пошёл прочь.

Небо затянулось облаками, но было ещё светло. Пётр чувствовал, что смертельно устал. Глаза непроизвольно закрывались. Чтобы не уснуть, он периодически высовывал лицо из-за защитного колпака. Пронзительный ветер ненадолго взбадривал, но вскоре всё снова повторялось. Внезапно наступила тишина. Барташов посмотрел на неподвижный винт, в сердцах подумал: «Даже техника не выдержала такой нагрузки!» – и стал выискивать глазами место для посадки. Тщетно! Под ними сплошным частоколом торчали шпильки елей. Сердце противно заныло, рот мгновенно высох, но вдруг, когда до земли оставалось совсем ничего, впереди мелькнула занесенная снегом поляна. Пётр вспомнил, как Морозов рассказывал им про посадку «сухим листом». В минуту смертельной опасности в мозгу всплыли слова:

– Плавно раскачивайте штурвалом вправо – влево...

Барташов так и сделал. «Вправо, влево, вправо, влево».

Когда они приземлились, до ближайшего дерева оставалось не больше двух метров. Пётр снял шлемофон с внезапно вспотевшей головы и услышал:

– Товарищ лейтенант, ну, вы и ас!

«Какой там ас! Сам чуть больше полугода назад ещё был курсантом». Но, правда, оставили его в школе инструктором как лучшего.

– Как думаете, скоро нас найдут?

Курсант с надеждой смотрел на Барташова, гревшего озябшие руки у разведённого костра.

– Не знаю, когда, но найдут точно. Ведь пропажа самолёта – это ЧП. В темноте вряд ли кто рискнёт сюда сунуться, а вот с рассветом...

Вдали послышался ровный рокот мотора, который то приближался, то совсем исчезал. Наконец Пётр с подопечным увидел, как на низкой высоте в отблесках пламени над ними пролетел самолёт. Он покачал крыльями и улетел.

Спасатели добрались лишь к обеду. Сначала разнёсся лай собак, потом показалась упряжка, а следом пришли четверо лыжников.

– Ну, вы и забрались! В эти дебри ни на каком транспорте не добраться!

Техники залезли под капот и долго там ковырялись. Старший из них, качая головой, заявил:

– Поломка серьёзная. Придётся до весны оставить.

– А если что пропадёт?

– Кому он нужен? Вокруг на пятьдесят вёрст ни души!

Подполковник Старостин, встречая спасательную экспедицию, заявил инструктору:

– У меня к тебе претензий нет – техники доложили. Даю сутки на отдых, а потом за работу.

И снова потянулись лётные дни. Барташов порой терял счёт совершённым вылетам. Он подавал рапорты на имя начальника школы для отправки на фронт, но постоянно получал отказ.

– Лейтенант, – горячился Старостин, – ты что думаешь, я не хочу на фронт? Мои прошения пять раз возвращали назад! Вот тебе сколько лет?

– Двадцать один.

– А мне уже целых сорок два, и совсем не нравится прозябать вдали от передовой. Но если мы нужны стране здесь, значит так надо. Товарищ Сталин сказал: «Победа куётся в тылу».

В очередной раз Пётр полетел с курсантом «Мямлей». Прозвище и вправду соответствовало ему: флегматичный, никогда не проявлял инициативы, чуть ли не спал на ходу. Но подопечных не выбирают. Есть приказ, который надо выполнять. В воздух поднялись нормально. «Мямля» вёл самолёт достаточно уверенно. Барташов успокоено расслабился и стал изучать на коленях карту. В какой-то момент он поднял голову и ужаснулся, увидев, как стремительно приближается земля. «Уснул, паразит!» Пётр машинально дёрнул ручку штурвала на себя и рывком прекратил снижение. Почувствовав лёгкий удар, инструктор поднял машину над лесом, а потом огляделся. Справа из фюзеляжа торчал кусок сосновой макушки, но мотор работал ровно. Пилот резко покачал крыльями. Ветка осталась на месте. «Что делать?» Лейтенант крикнул курсанту:

– Попробуй выдернуть её!

«Мямля» неуклюже попытался дотянуться рукой и смешно дрыгал ногами, стараясь удержать равновесие, его движения напоминали танец маленьких лебедей в исполнении детсадовской группы. Глядя на безуспешные потуги, Пётр понял, что разборки с начальством не избежать.

– Возвращаемся!

На земле к УТИ-2 с левой стороны быстрым шагом подошёл Морозов и скомандовал:

– Даю двадцать минут на отдых и снова в небо!

– Товарищ капитан, – замялся Барташов, но Морозов перебил:

– Ничего не знаю! Двадцать минут, не больше!

Он обогнул самолёт спереди и замер:

– Это что?

– Я же пытаюсь объяснить вам...

– Саботаж? Пытаешься увильнуть от полётов? Да я тебя под трибунал!

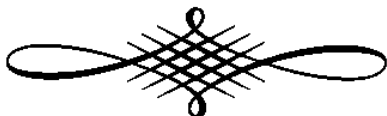
«Под трибунал, так под трибунал. Для пилотов одно наказание – фронт».

Пётр был отстранён от полётов. Он каждый день писал объяснительные, рапорты и ещё какие-то бумаги, многократно был допрошен майором НКВД. С тоскою глядя в небо, Барташов всё больше понимал, что не переживёт, если его уволят из авиации. «Лучше тюрьма, чем пехота или артиллерия!»

Наконец, был оглашён приказ:

«...Учитывая, что в действиях лейтенанта Барташова Петра Леонидовича не было найдено преступного умысла и что материальный ущерб самолёту несущественный, командование школы освобождает его от должности инструктора и в качестве наказания направляет на фронт».

...Шёл первый год войны. Молодого офицера ждала суровая служба в дивизии штурмовиков ИЛ-2. Он будет трижды сбит в боях, получит тяжёлые ранения, ожоги, полгода проваляется в госпиталях и встретит 1945 год в звании подполковника, команду полком и имея на груди орден Ленина. Всё это будет впереди, а пока лейтенант радовался отправке в действующую армию. Юное лицо сияло, как начищенный самовар, и сам он едва сдерживался, чтобы не расплыться в довольной улыбке.

Валентина Георгиевна БЫЧКОВА

Живёт в Жуковке. Работает в центральной районной библиотеке заместителем директора. Победитель первого Жуковского районного литературного конкурса «Мой мир неповторимый» в номинации «Поэзия» (среди взрослых). Стихи публиковались в областных и районных газетах, в поэтических сборниках Жуковского районного литературного объединения «Стожары».

Осеннее

Растекается вечер по крыше,
Тает небо в сиреновой мгле,
И становится тише и тише
На осенней холодной земле.

Разлетаются алые листья,
Поджигая кленовый закат,
Появляются странные мысли
И опять невпопад, невпопад.

Вот и музыка вдруг зазвучала,
Может, флейта, а может, зурна,
Между пальцами тихо стекала
Тонких звуков живая волна.

Это осень от края до края
Заполняет собой небосвод,
По дороге легко рассыпая
Серебристые бусинки нот.

Осень, нет нам с тобою союза,
Нить времен разрываешь спеша.
И под блики янтарного блюза
И смеется, и плачет душа.

Поздняя осень

Вот и поздняя осень вошла ко мне в сад,
Погасила пожухлые листья,
Лишь на тонкой рябине упрямо горят
Ярко – красные горькие кисти.

Ветер с тучей пытался заняться игрой,
Только туча игру не приемлет,
Дождь холодный вонзился иглою стальной
В темно – серую стылую землю.

И последние астры – от лета привет,
Наклонились над клумбой неловко,
Грязь уныло окрасила в призрачный цвет
Белоснежные прежде головки.

Ах ты, поздняя осень, такие дела,
Появленье твое неизбежно,
Не звала пусть тебя, но ты все же пришла
Деловито, надменно – небрежно.

О весне и о лете не буду грустить,
О далеком сиреневом мае,

Это было, и сердцу о том не забыть,
Но теперь я тебя принимаю.

И таинственный мир где – то там вдалеке,
За порогом сгущаемой тьмы,
Так легко ощутить на усталом челе
Ледяное дыханье зимы.

Бессонница

Синий вечер спустился на крышу,
День свернулся клубочком и спит.
Утомившись, все тише и тише
На лугу перепелка кричит.

И луна вдруг запуталась в туче
И завязла в ночной тишине,
А бессонница плед свой колючий
Вновь узлом завязала на мне.

Сон умчался в далекие дали,
Испугавшись какой- то молвы,
Мне оставил грехи и печали
На отваре волшебной травы.

Звезды ночь над землей разбросала,
И опять мне никак не уснуть,
Я верблюдов в пустыне считала,
Караваны отправила в путь.

Ах, бессонница, гостья ты злая,
Ни покоя, ни отдыха нет,
Я опять ночь с тобой провожаю,
И с тобой же встречаю рассвет.

Летняя сказка

Ночь июньская веет прохладой,
Заиграла река серебром,
Краткий миг лег на сердце отрадой,
Обернется добром или злом?

Знаю то, что любимое лето
Даст надежду, обманет чуть – чуть,
И чудесная тыква – карета
Вдруг умчит в неизведанный путь.

Серпантинном взовьется дорога,
Растворится у темных небес,
Где на каменных горных отрогах
Примостился таинственный лес.

Огоньки замелькали так быстро,
Это эльфы, зажав фонари,
Рассыпают блестящие искры,
Что зажгли от вечерней зари.

Крошки-феи смеются так звонко,
Развлекаясь веселой игрой,
И разносят на крылышках тонких
Ароматы фиалки ночной.

На лужайке объятия жарки,
Одинокие нынче не в счет,
А Титания дарит подарки,
Для счастливых веночки плетет.

И сплетаются руки влюбленно,
Погружаясь в пленительный сон,

На лукавом рожке Оберона
Им играет свой марш Мендельсон.

Ночь проходит, сменяются краски,
Алым цветом пылает восток,
И для новой, для утренней сказки
Неизбежно приходит свой срок.

И неважно, из тьмы или света
Той цепочки волшебной звено.
Пусть подарит нам доброе лето,
Жаль, что коротко очень оно.

Осень

Распуская тяжелые кисти,
Поджигает рябина рассвет,
И веселые желтые листья
Начинают воздушный балет.

Снова осень блеснет увяданьем,
Колокольчиком зимним звеня.
Нет ни радости, ни состраданья
В тонкой мере грядущего дня.

Пусть ты, осень, сегодня царица,
Постоянством не блещет твой взор,
Только долго ли будет носиться
Из рубиновых листьев убор?

Вот дохнёт ветер северной стужей
И навевает унылую дрожь,
И босая по призрачным лужам
В одеянии сером пойдешь.

Все же, осень, люблю тебя очень,
Задержись, уходить не спеши.
Просто жду, что ты мне напорочишь
Время года, как данность души.

Три дороги

СКАЗКА

Как-то сына в путь-дорогу
Провожала мать:
«Ну, шагай же, Ваня, с богом,
Надо жизнь узнать.

Не забудь краюшку хлеба,
Отправляясь в путь,
Чтоб ни делал, где б ты ни был,
Добрый, честным будь».

Поклонившись маме в ноги,
Сын котомку взял,
По большой лесной дороге
Бодро зашагал.

А вокруг в родных лесах
Голубое лето,
Будят птичьи голоса
Тишину рассвета.

Хорошо ему идти,
Молодые ноги.
Только на его пути
Целых три дороги.

Прячет стертые слова
Камень обветшалый.

И с трудом, едва-едва,
Прочитал их малый.

«Коль направо ты пойдешь
Дружбу испытаеть,
А налево повернешь,
И любовь узнаешь.
Путь прямой ты изберешь-
Мудрецом ты станешь»

Ваня почесал затылок
И наморщил лоб:
«Все же мне не хватит силы,
Мудрецом стать что б.

Друга занять – вот дело,
С ним продолжить путь.
Видно, мне судьба велела
Вправо повернуть».

И опять шагают ноги
Все вперед– вперед.
Видит: по его дороге
Юноша идет.

И знакомство состоялось,
И пошли вдвоем,
И поговорили малость,
Так, о том, о сем.

Звезды в небе загорались,
Долго очень шли,
Наконец – то показались
Огоньки вдали.

Городские очертанья.
Кто бы только знал,
Что в большую яму Ваня
Как – то вдруг попал.

Закричал тогда он другу:
«Где ты, Ермолай,
Протяни скорее руку,
Шест большой подай».

И слышалось Ивану
На свою беду:
«Помогать тебе я стану,
Сам я упаду,

Но тебя я помнить буду,
Дружбу соблюду,
Если только не забуду,
То к утру приду».

И, карабкаясь из ямы
Из последних сил,
Пережив такую драму,
Ваня вмиг решил:

«По другой дороге нужно
Мне идти вперед,
Может, мне совсем не в дружбе,
А в любви везет».

Левый путь пестрит цветами,
Вмиг обида тает,
Город засиял огнями,
Праздник отмечает.

А народ там веселится
В плясках разудалых,
Только радостные лица
Молодых и старых.

Вот и девушка-картина,
Косы, легкий стан.
– Как зовут тебя?
– Марина,
– А меня – Иван.

Вдруг в глазах сверкнули искры,
Заиграла кровь,
Как у всех, возникла быстро
В их сердцах любовь.

– Ты скажи, Марина, кто ты?
– Дочка кузнеца.
И тебе я дать работу
 Попрошу отца.

Так вот неизвестно сколько
Пролетело дней.
Жил в мечтах Ванюша только
Девушкой своей.

А Марина раз под вечер
На закате дня
Повела такие речи:
«Ты прости меня.

Хоть тебя любить я буду,
Встретился Мирон,
Вот колечко с изумрудом
Подарил мне он.

Он красивый и богатый,
Молодой купец,
Как к отцу пришлет он сватов,
С ним и под венец».

И от этих слов Марины,
От судьбины злой,
Он назад дорогой длинной
Полетел стрелой.

Сердце в горе и тревоге,
Что за тяжкий гнет!
Смотрит – по прямой дороге
Он уже идет.

Там у старенькой избушки
Старичок стоял:
– Подойди сюда, Ванюша,
Что ж ты, жизнь узнал?

– Это вот такая штука:
То добро, то зло,
Может, радость, может, мука,
Может, повезло.

Все забыть необходимо,
Вырваться из круга:
И предательство любимой,
И неверность друга.

Мудрость в том, что и в страданиях
Надо добрым быть,
Несмотря на испытанья,
Душу сохранить.

К людям проявлять участие,
Двигаться вперед,
И тогда, конечно, счастье
И тебя найдет.

Вот и повесть завершаю
Я таким концом,
Ваня, так я и не знаю,
Стал ли мудрецом.

Нити сказки оборвались,
Знать пора и честь,
В ней, конечно, нет морали,
Или, может, есть?

Музыка в ночи

Тихо музыка тает в ночи,
Почему так недолго звучала?
Ты же, глупое сердце, молчи.
Нынче воли тебе не давала.

Ну, а может, тебе разрешу
Над землею немного подняться,
ЗаклЮчить наконец – то решу
С вольным ветром веселое братство.

Сразу ровно дорога легла
Там, где был и усталая небыль.
Красит нежно рассветная мгла
Тонкий краешек темного неба.

Я ладонь опущу в волшебство,
Ключ от счастья затерян там где-то,

Пустота, ничего – ничего,
И опять обманули рассветы.

Только музыка снова звучит,
Я цепляюсь за тихие звуки,
Только нет, не меняется вид
Через тонкие струны разлуки.

Я давно позабыла тебя,
Странной жизни простые примеры,
Можно даже любить не любя,
Только как без надежды и веры?

Оттого о назначенной встрече
Снова скрипка далекая пела,
Догорали последние свечи,
Капли воска на скатерти белой.

Новоселье у гнома

Под листочком, под кустом
Как-то гном построил дом.
Аккуратный, голубой
И с крылечком и трубой.

И в тот час он без затей
Пригласить решил друзей,
Всех позвать на новоселье,
Очень гном любил веселье.

Окна вымыл, пол подмел,
Скатертью украсил стол,
Приготовил угощенье –
Разноцветное печенье

С клюквой, киви, абрикосом,
Ванилином и кокосом.
Все в корзинку уложил
И салфеточкой прикрыл.

Отвернулся на мгновенье
И почувствовал движенье.
Оглянулся: «Караул!»
Опустился гном на стул.

А печенье быстро тает,
Шмель его так уплетает.
Не оставил половину.
Улетел, унес корзину.

Гном заплакал: «Скоро пять.
Чем гостей мне угощать?»
А уж гости на пороге,
Дружно вытирают ноги.

Только что же? Вот дела...
Меду принесла пчела.
Бабочка свое творенье-
Земляничное варенье.

Торт большой от всей семьи
Притащили муравьи.
Разливая чай по кружкам,
Осы раздают ватрушки.

Крот – орехи, а зайчатки –
Пироги с морковкой сладкой,
Каждый с чем-нибудь пришел,
Мигом был уставлен стол.

Только сели все вокруг,
В дверь раздался тихий стук.
Шмель явился виноватый,
В сдобных крошках длинный нос:

«С вами быть хочу, ребята,
И корзинку вот принес.
Гномик, ты меня прости,
Видно, сбился я с пути.

И поддался я соблазну,
Много съел печений разных.
Что осталось – мало всем,
Можно, я его доем?».

Добрый гном его простил,
Сладким чаем угостил.
Было весело для всех,
Не смолкали шутки, смех.

Дом ходил весь ходуном,
Очень был доволен гном.

* * *

Та весна рассыпала цветы,
Соловьи воспевали рассвет,
И рядились простые мечты
В бело – розовый праздничный цвет.

Но уже собиралась гроза,
И душа полыхала в огне,
И твои голубые глаза
Видно, просто пригрезились мне.

Ярко – алый тюльпанов букет
И касание легкой руки...
Вот и все, ничего уже нет,
Лишь по ветру плывут лепестки.

Ничего не жалею – и пусть
Мне остались неясные сны,
Светлым облачком легкая грусть
От далекой неверной весны.

* * *

Снова ветер задул свечу,
Как же дальше идти по дороге?
Я сегодня сижу и молчу,
Боже, как же устали ноги.

Где-то там впереди бурелом,
А в душе только легкая грусть.
Знаю, надо идти напролом,
Я хромаю слегка, ну и пусть.

Путь осветит мне росчерк звезды
И угаснет за дальним лесом,
Но колючки здесь, а не цветы
Под мучительно-серой завесой.

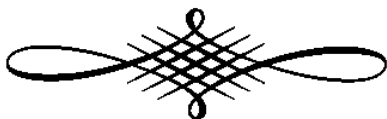
Свежий ветер от горных вершин,
Это то, что сейчас бы мне надо.
Наполняется звонкий кувшин
Под упругой струей водопада.

Вот и здесь не дано отдохнуть
И остаться хотя б на немного,

Чтобы воздух целебный вдохнуть...
И трудна, камениста дорога.

А вдали голубой пух искрится
Так отчетливо в воздухе стылом,
След оставила синяя птица,
Та, которую я не ловила.

Знаю, ветер задует свечу,
Станет тут неуютно чуть-чуть,
Я вздыхаю, и просто молчу,
И опять продолжаю свой путь.

Маргарита Викторовна ВАСЕЧКИНА

Живёт в селе Ржаница Жуковского района. Домохозяйка. Публиковалась в районных и областных газетах, в поэтических сборниках Жуковского районного литературного объединения «Стожары».

Зимняя вишня

Вся Россия как «Зимняя вишня»,
И все люди как зрительный зал.
Как могло получиться, как вышло,
Чтобы заживо кто-то сгорал?
Разодетые, в лучших нарядах,
На свидание с детской мечтой,
«Шерлок гном» посмотреть были рады,
Увлеченные в зале игрой.
Как светились от радости лица!
Кто с коктейлем в руках, кто с зверьком.
В зоопарке малыш веселится –
Он впервые узнал о таком.
Попугай замер в добрых ладошках,
Кто к зайчонку, кто к белке прильнет,
И сердца отогрев хоть немножко,
Здесь детдомовский пляшет народ.
Темный зал, запах гари и дыма...

Безнадежность граничит с бедой...
И, закрыв собой дочку иль сына,
Прошептать: «Нас спасут, мой родной»
И вцепившись в дрожащие плечи,
И в ладонях ладошку зажав
(Виновата здесь чья-то беспечность!)
Так ушли, пальцы рук не разжав.
Слезы – строчки: «Простите нас, дети!»
Хоть бы кто-то из них опоздал
В те места на бесплатном билете
В переполненный зрительный зал!
Сколько их – неопознанных – точно,
(Жизнь любого бесценна стократ!)
С родословной, изорванной в клочья,
Под обломками пеплом лежат!
Дома ждут их рисунки, тетрадки,
Сказки ими прочитанных книг,
И в учебниках школьных закладки,
И с домашним заданьем дневник.
Средь игрушек лампадные свечи,
Разгораясь, от ветра дрожат,
И ни стоны, ни крика, ни речи,
Только плачущий, ищущий взгляд.
Смотрят с фото любимые лица:
Чей-то сын, чья-то дочь, чья-то мать...
Не вернуть не успевших проститься,
Не забыть не умевших прощать.

Лунной ночью

В тишине растворив молчанье,
Ночью в окна стучится грусть.
Тихо множится ожидание,
Снова в прошлое окунусь.

Звездный блеск коснулся стены,
Разбросав теплый свет по подушке.
Мне сегодня не снятся сны,
Только ночи тьма плещет в кружке.
И в плену у манящей тьмы
Дремлет сад, в тень луны одетый.
У свисающей бахромы
Всё загадочней силуэты.
Сонный ветер совсем затих,
Долетев до соседней крыши.
На стекле след кругов дождевых
Приближается ближе, ближе.
До рассвета еще чуть – чуть,
Грань меж утром и ночью зыбка.
Лишь сумеет печать спугнуть
Мне под утро твоя улыбка...

Осень – это ...

Осень – это вечер при свечах.
Дождик занавешивает окна.
Прячется в осенних мелочах
Паутинки нить, скользнув на стекла.
Осень – это листьев вальс Бостон.
Патефон заводит шумный ветер.
И слышнее колокольный звон,
Стелются туманы на рассвете.
Осень – это время полистать
Со стихами старую тетрадку,
Наконец – то истину познать,
Отыскать любимую закладку.
Осень – в небе журавлиный клин,
Ищущий потерянное лето.
И костер не греет от рябин

Рощу ту, что в золото одета.
Осень – это вечер при свечах,
Плачущих то тише, то сильнее.
Теплый плед, лежащий на плечах,
След от одиночества больнее.

Любить...

Не хочу быть одной из тех,
О которых поэмы, песни.
Память множит чужой успех,
Я в плену у нее, хоть тресни!
Не умею никак прощать
Ни себя, ни других, тем более.
Ожиданье в себя вмещать.
Клетки нет, а томлюсь в неволе.
От себя ни уйти, ни сбежать,
И сомнения как преграда.
Мне на исповеди стоять,
Все грехи называть не надо.
Но один самый главный грех:
Жарким днем, как мороз по коже...
И скрывать от себя и всех,
Что люблю тебя аж до дрожи.

Осень примеряет гардероб

Осень примеряет гардероб,
Ищет крепдешинное платье,
Яркое и без застежек чтоб,
Летом бабьим выбранная сватья.
Ей к лицу гроздь алая рябин,
Так приметна в желтом сарафане!

Капли-бриллианты на рубин
Променяет в утреннем тумане.
Прошуршит листвою свое: «Прощай!»
Закружив в обнимку с шумным ветром.
Ты с дождем вернуться обещаешь,
Повстречавшись в роще с бабьим летом.
Щедро вдохновенье раздает,
Делится с влюбленным и поэтом.
И с рассветом тихо побредет
Под зонтом знакомым силуэтом.

*За нас с тобой
о чем-то плачут свечи*

Сгорая, тихо плакала свеча,
Свеча-молитва, просьба, покаянье.
Останутся за гранью мироздания
Раскаянья, ошибки сгоряча.
Воск от свечи, он словно наши слезы,
Таит в себя необходимость быть,
С собой молчать, с собою говорить,
Чтобы постичь несбывшиеся грезы,
Свет от свечи и в радости, и в горе...
Зажги свечу, не будешь одинок!
Как таинство, как жизненный итог,
Как маячок, в житейском светит море.
Роняя пламя в темноту, смотри:
За нас с тобой о чем-то плачут свечи.
Стихами лечим душу изнутри
И помолчим, вновь зажигая свечи.

Марии Зубовой

О чем стихи? Конечно, о любви,
О девочке наивной и несмелой.
Ты жизнь её, попробуй, проживи,
Чтоб улететь хотелось птицей белой.
О чем стихи? Конечно же, о нем,
О чувстве том, что каждому готово.
Страницы не спеша перевернем...
Порой они звучат, как аксиома.
О чем стихи? Конечно, о родных.
Воспоминанья душу рвут на части.
Мы вместе с нею молимся за них,
Жаль, что-то изменить не в нашей власти
О чем стихи? Об осени, весне,
И о заре, что в небе разольется,
И о мечтах, что словно в сладком сне,
Лишь только ей увидеть удастся.
Свет доброты искрится между строк,
Живой души ложатся откровенья.
Поэма или маленький стишок –
Творение достойно восхищенья.

Спешите делать добрые дела

Она не торопясь шла по зимнему городу. После вчерашнего снегопада дома и деревья казались сказочными. На ветках нависли пушистые комья, и под их тяжестью тонкие прутьики почти касались земли. Город утонул в снегу, который все падал и падал и, создавая пробки на дорогах, как будто хотел замедлить вечную городскую суету. Снегоуборочные машины спешили очистить проезжую часть, но ничего из этого не получалось.

Она не любила затянувшееся начало зимы, когда от яркой осени уже нет следа, и хмурый вид из окна, перечеркнутый

кривыми строчками от дождевых капель, только множил грусть. Её радовал выпавший снег, наконец-то прикрывший серую осеннюю грязь. Да и сама поездка в город поднимала настроение. Сельская размеренная жизнь засасывала, как болото. День похож на день, летом только успевай справляться с работой, а зимой житие как будто замирало. Как только газ пришел в дома, свободного времени прибавилось с лихвой, вечерами приходилось придумывать себе занятия. Выручало умение вязать и вышивать бисером иконы. Многие из них, освященные в церкви, дополняли образа в домах её подруг и родственников. И сегодня в списке покупок первым стояли рамки и заготовки для новых работ.

Если случалось выезжать в город, то время не шло, а бежало так быстро, что, казалось, уже и дня мало. Ей нравилось ходить по магазинам, всматриваться в витрины с красивыми нарядами и, застыв у понравившейся вещи, подолгу задерживаться, иногда не отказав себе в удовольствии посетить примерочную. Покрутившись у зеркала, прихватив заколкой прядь густых русых волос, она замирала от восторга: на нее смотрела красивая нарядная дама с огромными грустными глазами. Но с маленькой пенсией такие покупки ей не осилить. Всё приходилось просчитывать наперед. Гардероб давно не обновлялся, а если и приходилось что-то купить, то в дешевых рядах на вещевом рынке. А хотелось, как в юности, почти к каждому празднику радовать себя обновой. Она не из тех женщин, которых устраивает домашний халат, ей еще хотелось нравиться мужчинам.

Витрины магазинов зазывали, а рекламные вывески подмигивали на фоне выпавшего снега особенно ярко. И среди разнообразия светящихся огней выделялась надпись «Одежда из Европы». «Наверное, очередной «дорогой» магазин», – подумалось Нине. На ступеньках толпился народ. Особенно шумно себя вели молодые парни, не похожие на школьников. «Студенты, что ли?» – подумалось ей. Они будто знакомы друг с другом уже давно, оживлённо вели беседу, понимая с полуслова, о чем речь.

До открытия оставалось четверть часа. Очереди сейчас – такая редкость. Интерес победил необходимость поторопиться, а женское любопытство взяло верх над нежеланием ждать.

Двери распахнулись, и Нину с потоком людей, спешивших оказаться первыми, занесло внутрь, сопротивляться было бесполезно. Толпа пронеслась мимо кассы. Молодчики, расталкивая всех локтями, устремились в женский отдел. Подлетев к висящим блузам и кофточкам, они отодвигали таких несмелых и немногочисленных, как Нина, и чуть ли не вырывала вещи, если кто – то тормозил процесс. В руках у юных парней вешалки отодвигались справа налево с секундной скоростью. Выбрав то, что приглянулось, они убегали к следующему ряду. И так, пока не прошли весь магазин. «Боже мой, такая давка, как в далекие девяностые, когда за пару сапог приходилось чуть ли не драться!» – размышляла она. Нина ничего не могла понять, и только кассир вежливо объяснила ей, что молодые ребята выбирают вещи для выгодной перепродажи.

Она направилась в отдел курток. Одна из них приглянулась: легкая, простёганная, изящная. И цвет подходящий, и фасон. Престарелая мать давно просила приглядеть что-нибудь подешевле к весне. Ценник удивил. «Так вот оно что! Это всё поношенные вещи из Европы. От них избавляются за ненужностью, а у нас пускают в распродажу и, похоже, это устраивает и покупателей и продавцов».

Торговля шла бойко. «Вот мама будет довольна, куртка почти новая», – радовалась Нина, немного уставшая от этой суматошной обстановки. «Себе в другой раз посмотрю», – решила она. Выйдя из магазина, сквозь стекло прочла дату следующего поступления товара, а потом, зайдя в пару аптек, купив продукты и заготовки для икон, довольная проведенным днем, поспешила домой.

Войдя в знакомую калитку, улыбнулась состарившейся матери.

– Ну, ты прям вся в покупках, – промолвила та.

Нине хотелось поскорее обрадовать старушку:

– Мамочка, готовься к примерке.

Куртка старушке определенно понравилась. Она по привычке прощупала ее своими морщинистыми руками, разглаживая каждый шовчик. Скрывать и обманывать она свою дочь так и не научила, и та ей выложила всё как есть.

Сняв куртку и спешно повесив её на стул, мать переменялась в лице:

– Я ее не надену и тебе не позволю это сделать. Раз из Европы, то точно из Германии. Уноси сразу. Это значит, какой-то немец носил, а теперь я буду донашивать после него? Нет, не бывать этому! – категорически заявила она.

Отголоски войны снова ворвались в их тихую жизнь. Сколько ей было в те годы? Семь? Восемь лет? Совсем ребенок в их многодетной семье. Страшные месяцы войны на всю жизнь врезались в память. Мама часто вспоминала, как немцы захватили деревню, отец ушел в партизаны. Их, взрослых и малышей, выгнали в сарай, а сами оккупанты стали жить в просторном доме, построенном незадолго до войны. Она рассказывала, как их мать заставляли резать и ощипывать кур и гусей, готовя фашистам сытный обед, запах от которого усиливал желание поесть. Какими голодными глазами смотрели ребяташки и ничего не могли поделать, только тихо плакали да молчали, когда по ночам, плача, молилась мать. Даже свиноматку приказали заколоть, все шло к столу захватчиков. А насытившись обедом, они распевали свои песни, играя на губных гармошках. С тех пор она не выносит этого звука и сразу включает телевизор. А когда немцы отступали, то совсем лютовали: поджигали дома, расстреливали за связь с партизанами. Погрузив награбленное на повозку, запрягли их любимую лошадку, которую жеребенком выхаживали всей семьей. Как сопротивлялась Дорка, как будто чувствуя разлуку, а дети плакали, обнявшись. Мать боялась расправы и прятала их в подсолнухи вместе с буренкой. Немцы не могли поймать кур, устраивали стрельбу по ним, чтобы прихватить с собой.

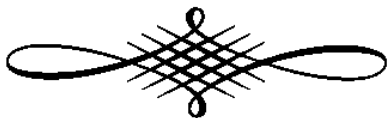
Вот такая она, детская память, даже в глубокой старости не дает покоя и по ночам лишает сна, преследуя всю жизнь.

– Уноси, уноси куда хочешь!– не успокаивалась старушка. – Вон, отдай соседям, им все равно, что пропивать. А я не надену.

Нина посмотрела на нее: маленькая, худенькая, с опустившимися плечами и сутулой от старости спиной, в чем душа теплится, а сколько гордости и чувства собственного достоинства в характере! Этого не отнять ни годам, ни болезням. И даже тем фактом, что приходилось жить скромно, на мизерную пенсию. Денег едва хватало на лекарства и однообразный быт, в котором мало что менялось, за исключением нескольких праздников в году. И одним из главных в семье был день Победы.

Нина не стала спорить с матерью и обижать её. Пусть будет, как она хочет. Да и самой ей что-то расхотелось носить вещи из Европы.

Проходя в очередной раз мимо магазина «Одежда из Европы», на ступеньках которого в ожидании толпился народ, она только усмехнулась, неся новую куртку из соседнего магазина, потому что спешила обрадовать мать. Пусть дорого, пусть придется отказать себе в чем-то, но это для нее сейчас важнее всего. Жизнь так коротка. Успеть бы еще чем-нибудь порадовать.

Мария Ивановна ЗУБОВА

*Живёт в Жуковке. Пенсионер.
Публиковалась в литературном сборнике
Жуковского районного литературного
объединения «Стожары». Автор
поэтических сборников «Лечу по свету
птицей белой» (2017) и «Кто на свете
лучше всех?» (стихи для детей, 2017).*

Семь лет спустя...

И снова ТЫ – семь лет спустя...
Как птица в клетке сердце бьётся,
Лучами заиграло солнце,
И капли высохли дождя.

И всё вокруг меня ликует.
Судьба как будто бы балует,
Перстом коснулась вдруг чела.
Я встрепенулась, ожила!

Как будто нет тех дней разлуки,
Где сердце замирало в муке,
Надежды хрупкие тая,
В рутине вечной бытия.

Любовь, что долго так спала,
Как роза в мае расцвела
С красивой песней соловья.
Мы снова вместе: ТЫ и Я!!!

Подари мне, Ариадна, нить

Жизнь в своих объятьях закружила,
Как листок осенний на ветру.
Всю сломала и опустошила...
Тихой грустью ранит поутру.

Выйти бы из горестной печали,
Ложь, обман, предательство забыть.
Чтоб сомненья душу не терзали,
Подари мне, Ариадна, нить!

Жить с восторгом и без сожаления,
По-иному вдруг на всё взглянуть
И развеять все свои сомнения...
Укажи мне, Ариадна, путь!

Я надеюсь: грусть, печаль растают,
Зло, обиды в сердце не коплю.
И мой звёздный час придёт! Мечтаю
Встретить свою светлую зарю.

Вот такая жизнь...

Вот и всё, утихли злые бури,
День пришедший дарит солнца свет,
Небо цвета голубой лазури.
Для тоски-печали места нет.

Всё для счастья, всё для вдохновения
Подарил Господь всем нам, любя.
Вспоминаю лучшие мгновения,
Вижу вновь счастливую себя:

Вот бегу девчонкой босоногой,
Верю, что нигде не пропаду!
Вот невестой – скромной недотрогой,
Как и все, любви и счастья жду.

Но куда-то светлое уходит,
А на смену вдруг придет печаль.
Счастье затерялось, где-то бродит,
И любовь не встретилась. Как жаль...

Бесполезно спорить нам с судьбою,
Странности, причуды здесь свои.
Поведёт дорогою такую...
Что заплачут в роще соловьи.

Где-то прокукукует кукушка,
С той минуты отсчитает нам года.
Жизнь – такая странная петрушка:
То погладит, то пинка даст иногда.

1. Весна

Весна наступит, взбудоражит,
Всё пробуждается вокруг,
А ручеек журчащий скажет:
– Живи и радуйся, мой друг!

Капель звенит весёлым звоном,
И солнце светит с высоты.

По бугорочкам и по склонам
Белеют ранние цветы.

Вновь к нам приходит вдохновенье,
Мы впечатлением полны
И видим чудные мгновения
В прекрасных прелестях весны.

2. Лето

Ах, лето, лето золотое,
Теплом и негою полно.
И солнце, светом налитое,
С утра глядит в моё окно.

Кругом пестреет разнотравье
И колокольчики звенят,
Как будто в первое свиданье
Чаруют мой уставший взгляд...

4. P.C.

Своею русскою душой
Люблю любое время года.
И даже если непогода,
В ней тоже шарм есть небольшой.

Всё сердцу моему милей
И всё дороже год от года.
Когда становишься мудрей,
Любая радуется погода.

Женщина – богиня

Не старят нашу женщину года,
Они её лишь делают мудрее.
Она как путеводная звезда,
Как добрая загадочная фея.

Открыто улыбается. Светло
Горит в душе огонь простых желаний.
И пусть порой ей в жизни не везло,
Она не устаёт от ожиданий.

Морщинки на лице? То ерунда.
Она всегда нежна, мила, прекрасна!
Богиней называют иногда.
Собой она гордится не напрасно.

Всю тяжесть бытия перенесёт.
И чтобы там о ней ни говорили,
Всегда придёт на помощь и спасёт.
Душой красивой боги наделили!

Дорога в никуда

Стремясь заполнить пустоту
От безысходности и боли,
Топлю надежду и мечту
В густом дыму и алкоголе.

Жизнь, пощади и мне позволь
С собою жить в ладу и мире,
Мечтать и бредить о кумире,
Дождаться принца, как Ассоль.

*Нет, не поздно в тридцать пять
Счастье в жизни испытать!*

Зеркала, зеркала, зеркала!
В них я вижу своё отражение.
Сеть морщинок у глаз пролегла,
Но легки и изящны движения.

Взгляд лучистый, порой озорной,
Сильный пол обращает внимание.
А любви я не чужда земной
И к тебе поспешу на свидание.

Мы присядем у тихой реки,
Соловьиные слушая трели.
Пересудам людским вопреки,
Нам трава будет вместо постели.

Нас укроет волшебная ночь,
И звезда упадет (на удачу!)
Я, прогнав все сомнения прочь,
Рассмеюсь и от счастья заплачу...

Где-то выпь прокричит вдалеке,
Вдруг в ночи тишину разрывая,
И луна проплывет по реке,
Зорьке место свое уступая.

Вот и день уже новый идет
Вместе с ранним прохладным рассветом.
Мы не знаем, что завтра нас ждёт,
Но о встрече мечтаем при этом.

Утром я загляну в зеркала.
Что увижу? Поверь без сомнения:
Ночь безумно счастливой была,
На лице же – её отражение.

*Как поздно ты пришла,
моя любовь...*

Как поздно ты пришла ко мне, любовь...
Нам не познать друг друга совершенство.
В душе моей тревога и блаженство,
Когда с тобой встречаемся мы вновь!

А голос твой! Как сладостный нектар,
Как музыка божественных мелодий.
Он в сердце льется и бросает в жар,
И солнышко в душе моей восходит.

Желаний разгорается пожар.
Листку бумаги доверяю чувства.
Любовь земная – это не искусство,
А данный Господом бесценный дар.

Жаль, времени не снять с себя оков,
Ведь годы молодые пролетели...
Виски все запорошили метели...
Не разделить супружеской постели...
Мне не сказать тебе заветных слов.

Не будет и объятий, сладких снов.
И не вкусить нам сладострастья рая,
Но ты живешь, во мне, не угасая,
Ласкаешь душу и волнуешь кровь.
...Как поздно ты пришла... моя любовь...

Словами не бросайтесь сгоряча

Словами не бросайтесь сгоряча,
Они страшней, чем пуля из нагана.
Поранить могут душу невзначай,
И навсегда останется там рана.

А временем не залечить потом,
И память позабыть всё не захочет.
И светлым днем, и даже среди ночи
Нет-нет, да и напомнит о былом.

Струн души моей ты не тревожь...

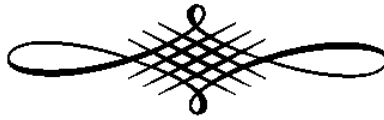
Струн души моей ты не тревожь,
Спят забытые чувства давно.
Не разбудит их сладкая дрожь,
Им проснуться теперь не дано.

Запорошены снегом виски,
А на сердце года-холода.
Никуда не уйти от тоски,
Поселившейся там навсегда.

И крепка одиночества нить,
Разорвать её нет больше сил.
А печальный взор будет пленить
Свет далеких небесных светил.

В час урочный уйдем в никуда,
Кто дорогою в ад, а кто в рай.
Но любим нами будет всегда
Милый сердцу, загадочный край.

Мы вернемся на землю опять:
То ли дождиком, то ли росой,
Можем звёздами в небе сиять,
Наслаждаясь земною красой.

Николай Григорьевич ИВОЛГА

Живёт в селе Овстуг Жуковского района.

Трудится в системе здравоохранения.

Публиковался в районных и областных

газетах, в поэтических сборниках

Жуковского районного литературного

объединения «Стожары». Автор книги

стихов «Летние дожди» (2015).

Победитель первого и второго Жуковского

районного литературного конкурса «Мой

мир неповторимый» в номинации

«Поэзия» (среди взрослых). Дипломант IV

международного Тютчевского конкурса

«Мыслящий тростник» (2016). Член

Международного Союза писателей и мастеров искусств, Брянского

областного литературного объединения Брянского отделения Союза

писателей России.

Чёртов омут

1.

Загадочно тихое место

За домом у старых ракид.

И вовсе там не интересно,

Но нас, пацанов, как магнит

Заросший притягивал омут,

Лишь дед мой был строг, как всегда:

«В нём исстари тонут и тонут.

Внучок, не ходи ты туда.

Там черти – прости меня, Боже!
(Рот мелко крестила рука)
С утра до заката, похоже,
Валяют на дне дурака.

А ночью русалки хохочут,
И ты не ходи на тот пруд.
Увидят, внучок, защекочут,
С собою на дно уведут».

Блестели хитрющие глазки,
А внуку всего десять лет.
«Дедуля, да это же сказки!
Чертей и русалок ведь нет!»

Мальчишка упёртого нрава,
Но жизнь – она вся впереди.
И дед улыбался лукаво:
«Увидишь ещё – погоди!»

2.

Зима да весна, снова лето,
Привычный наш жизненный круг.
В деревне у старого деда
Любимый гостит его внук.

Как вырос, и сам не заметил,
Прибавилось стати и сил.
А в тихом пруду на рассвете
Клевали всю караси.

И я пристрастился к рыбалке,
Но больше доволен был дед:
«Рыбалка, внучок мой, не салки –
Глядишь, и уха на обед!»

Бывает, что страх, как липучка,
И тянет ко дну глубина,
Но сторожа Митрича внучка
На лодке каталась одна.

И, в воду ныряя умело,
Казалась русалкой сама.
А гибкое девичье тело
Сводило подростка с ума.

Рыбалку совсем я забросил,
И дед, улыбаясь, сказал:
«Карась не клюёт – скоро осень,
А может, рыбак «захворал».

Лечу на свиданье, как ветер,
В руке нежных лилий букет.
Старик мой и это заметил:
«Ты лучше б, внучок, ей конфет!

Влюбился! Ох, нет с вами сладу!
Смотри у меня, не балуй!»
Но был мне в тот вечер наградой
Желанный её поцелуй!

В деревне одни разговоры:
«Вот пара! Хоть впрямь под венец!»
Всё было, как в сказке, но скоро
И сказке приходит конец.

Стою у соседского дома,
А Митрич – святая душа,
Как будто сто лет мы знакомы,
Беседу ведёт не спеша:

«Она ведь почти что сиротка,
Отца уже нету давно.
Сгубила проклятая водка.
Такое вот, братец, кино.

Уехала нынче. Как жалко!
Но ты, паренёк, не горюй!..»
Русалка. Соседка-русалка.
Как сладок был твой поцелуй!

3.

Года пронеслись – не заметил.
Манили родные края.
И, возраст почтенный свой встретив,
Вернулся на родину я.

Шагаю тропой неприметной
К раkitам с заросшим прудом.
Спешу к своей цели заветной,
Туда, где стоял дедов дом.

А осень, нарядом блистая,
Из злата надела парик ...
Вспугнув воробьиную стаю,
Шагнул мне навстречу старик.

Его узнаю по походке.
Всё та ж в бороде седина.
Катал нас когда-то на лодке.
«Эй, Митрич! Привет, старина!

Чем занят, старик-непоседа?»
«Как прежде, деревне служу.
В хозяйстве толкусь до обеда,
А после дома сторожу.

С окрестных селений ребята
(Сейчас их не видно пока)
Весь день от зари до заката
Валяют вот здесь дурака.

Ночами не сплю, – и вздыхает. –
Да и не до сна нынче тут.
Костёр у раkit полыхает,
Того и гляди, дом сожгут.

Вино потребляют безмерно,
Ревут мотоциклы всю ночь.
Русалки с чертями, наверно,
Сбежали из омота прочь.

Твой дед говорил, что водились
Мол, черти на дне, здесь в пруду.
Так те ж там, на дне, и бесились,
А эти – у всех на виду!

А было ведь тихое место!
Но нынче, увы! Не узнать!
Пропала деревня-невеста!»
«А власть что?» «Так где ж её взять?»

Беседовал Митрич со мною,
А где-то в небесной дали,
Прощаясь с родной стороною,
Летели на юг журавли.

Я ехал обратной дорогой,
Путь долгий лежал впереди...

Как прав был мой дедушка строгий –
«Увидишь ещё – погоди!»

Конец света

1

Все началось с покупки телевизора.

В этот день Петр Иванович после полудня ушел в тот конец своего огорода, где у него находилась пасека. Здесь, на деревянных колышках, а то и просто на старых автомобильных шинах, стояло несколько ульев, а в сторонке, под навесом – деревянный, сделанный самим же хозяином, топчан.

Часто, после полуденного зноя, Пётр Иванович приходил сюда, садился в тень и под жужжание пчёл часами отдыхал в этом уголке. Случалось, и засыпал здесь.

А сегодня было особенно хорошо. Пахло мёдом. Пчёлы шли сплошным потоком. Хотелось смотреть и смотреть на их работу.

Петру Ивановичу Волгину в этом году исполнилось шестьдесят лет. Он ещё был полон сил и здоровья. Но уже не работал.

В своё время Волгин был частным предпринимателем, что принесло ему некоторый доход.

Он перестроил дом, сделал к нему пристройку, соорудил просторный гараж, баню, что стала его особой гордостью. Хозяйство огородил добротным забором.

Две его дочери были давно замужем. Младшая, Светлана, вместе с мужем и детьми жила с родителями.

Кроме пчёл, в хозяйстве всегда была пара десятков кур и пара кабанчиков. Без домашнего сала Пётр Иванович просто, как он сам говаривал, «не мог существовать».

– Петь, тебе вот хорошо здесь сидеть, а мне что прикажешь делать? Хоть бы телевизор в конце-то концов отремонтировали! Целый месяц, как сломан, и никому нет дела! Или новый купи. Одичать можно с вами! – Жена Валентина, боясь быть покусанной пчёлами, остановилась метрах в десяти от пасеки. – Иди уже домой! Обед остывает!

– Хорошо, Валь. Уговорила! Куплю я тебе хороший телевизор. С большим экраном и спутниковой антенной. Чтобы всё,

как у людей! – Пётр Иванович доел свой любимый борщ с рёбрышками, принялся за второе. – Сразу после обеда и поедом с Гришей. Привезём и установим. А ты, дорогая, за это уж нам из своих запасов что–нибудь сообрази на ужин.

Сказано – сделано.

Вместе с зятем Гришей съездили в областной центр, купили телевизор, спутниковую антенну. Приехали и сразу же всё установили.

Засветился экран, такой большой, что смотреть нужно было с расстояния. Насыщенный цвет. Отличный звук. И что самое главное – около сотни каналов. Это после трёх-то в старом!

Жена тоже сдержала слово. На стол было выставлено обещанное «из своих запасов».

После ужина домашние ещё некоторое время смотрели телевизор, а потом разошлись. Дочь с мужем поднялись к себе на второй этаж, жена ушла на свою половину, а он сам, оставшись один в зале, уселся на диван, положил под голову подушку и, взяв в одну руку пульт от телевизора, в другую бутылку пива, начал изучать свой «Самсунг».

Господин случай часто играет с человеком злые шутки. Так и случилось в тот день.

Первый канал, на который попал Волгин «методом тыка», был Рен ТВ.

А там Игорь Прокопенко, с его извечными военными тайнами, летающими тарелками, инопланетянами и снежным человеком.

«И пропал казак!», как сказал один известный классик.

Теперь каждый вечер после ужина Пётр Иванович садился на диван с пультом в руке, и уже никто не мог его сдвинуть с места до самых петухов. Вернее, не до петухов, а до того момента, когда начинал лаять соседский пёс Тишка. А лаять он начинал почему – то ближе к рассвету.

Пётр Иванович даже как – то спросил соседа:

– Михалыч! Что это твой пёс каждое утро лает? Спать не даёт.

– Дык, это же ён на ёжиков гавкаить. У мене в дровнике живёт аж целых две семьи ежей. И вот кады оне возвращаютца из ночной охоты на лягушек, мышей и прочих тварей и начинают шуршать и фыркать – он и гавкаить.

– А-а, понял – улыбнулся Волгин. – Ну и пусть себе гавкаить, на то он и собака. Ха-ха-ха! – И опять к телевизору.

Постепенно и жена приобщилась к этому занятию. И уже вдвоём они коротали у телевизора все вечера. И каждый раз повторялось одно и то же: Игорь Прокопенко начинал передачу, инопланетяне высаживались на Землю, в холодных арктических водах тонул «Титаник», по Гималаям бродил снежный человек. Потом возвращались домой ёжики, лаял пёс Тишка, супруги выключали телевизор и ложились спать.

Но однажды ...

– Петя! Петь! Иди быстрее сюда! – раздался голос жены из зала.

– Что, что такое? – Пётр Иванович прямо влетел в зал, дожёвывая на ходу котлету.

– Да не ори ты, Господи, послушай! – Валентина сделала звук громче.

А с экрана всё тот же ведущий говорил о том, что учёные расшифровали древние шумерские манускрипты, что обнаружена ещё одна планета. Шумеры называли её Нибиру. Эта планета вращается вокруг Солнца по вытянутой орбите, и её населяет народ, называемый анунаками.

Один раз в три тысячи шестьсот лет Нибиру подходит очень близко к Земле. И здесь, у нас, начинаются различные природные катаклизмы: извержения вулканов, цунами. Планета начинает охлаждаться, замерзать и ... наступает конец света

Всё живое погибает. Анунаки высаживаются на нашу Землю, добывают золото, другие полезные ископаемые и ... улетают.

Ведущий даже назвал точную дату конца света – 21 декабря 2012 года!

– Господи! Только начали жить по-человечески, и на тебе! – на глазах жены появились слёзы. Она уже верила практически всему сказанному Игорем Прокопенко.

– Не реви! Может, ещё и обойдётся на этот раз, – сказал Пётр Иванович. Сам тоже подумал:

– Действительно! Надо ж, только начали жить!

Масла в огонь подлил бывший водитель Волгина – Женя.

Как-то вечером он подъехал к дому на своей машине.

– Иваныч, смотри! – и протянул бинокль. – Вот на ту звезду наведи! – палец указал одну из ярких звёздочек. – Это Нибиру! Мне мой сосед сказал. А он грамотный человек. Кроссворды разгадывает – как семечки щелкает! Я уже целую неделю наблюдаю. Она потихоньку растёт. Она, Иваныч, летит к нам, ей – богу!

– Всё-таки правда. – Пётр Иванович смотрел на эту звёздочку, и ему действительно казалось, что она летит.

Назавтра, с утра, он купил себе самый мощный бинокль, какой только был в магазине. И теперь каждый вечер подолгу стоял во дворе и смотрел на звезду.

– Летит! Летит, гадина!

2

Летела по направлению к Земле планета Нибиру, летело и время.

В садах созрели яблоки и груши, пожелтели берёзки. Было ещё вполне тепло, но в природе уже хозяйничал месяц сентябрь.

А на экранах телевизоров, в том числе и на главных государственных каналах, полунамёками говорилось о конце света.

«Учёные из Калифорнийского университета обнаружили и расшифровали древний календарь народа майя. В нём пятый солнечный цикл заканчивается 21 декабря 2012 года», – вещало телевидение.

Народ слушал и мотал на ус.

Однажды утром Пётр Иванович, как и всегда, вышел на улицу подмести опавшую листву. Тут же с метлой сосед Михалыч.

– Доброго здоровья, Пётр Иванович!

– Здравствуй, Михалыч!

– Слышал новостей? А конец – то света будя не сразу, а постепенно. Сперва, говорят, отключится всё ляктричество, ровно у семь часов утра. Ну а тады уж и пойдуть морозы. Чуть – чуть, даст Бог, ишшо поживём, сосед! Надоть только хорошенько подготавлицца.

Волгин как – то сразу и не обратил внимания на слова соседа. Но после обеда из магазина пришла жена и сразу с порога:

– Петь, иди сюда. Ну и хорёк сосед наш, Михалыч! Иду, значит, я из магазина, а он впереди меня. Тоже оттуда. Смотрю, – а у него в сумке спичек коробков сто, наверное. А внизу, на дне, свечки. Тоже штук сто, а может, и больше. А сверху, для вида, наложил туалетной бумаги – вроде хорошо питаются – рулонов двадцать!

– Ну и что? – сказал Волгин.

– Ты что, дурак? К концу света готовятся наши соседи, вот что!

– Да ну?!

– Ну, что ж ты такой у меня неверующий? Уже весь посёлок на голове стоит. В магазины не успевают завозить соль и спички. Всё сметается на ходу. Люди не дураки. Готовятся.

– На всю жизнь не наготовишься!

– На всю жизнь? Да лишний день проживём – и то дело. Минутку лишнюю, – и зарыдала.

– Ну, успокойся. Завтра с зятем поедем в областной центр. Закупим всё, что надо. Здесь не хочю покупать. Только опозоримся.

Сказано – сделано.

На другой день Пётр Иванович вместе с зятем с утра на своей «Газели» поспешили в областной центр. Скупалось всё: свиная и говяжья тушёнка, сгущенное молоко, спички, свечки, соль, сахар, питьевая и минеральная вода, консервы, разовые зажигалки. Приобрели с десятков электрических фонариков и даже один довольно тяжёлый автомобильный аккумулятор.

– Пригодится, – сказал Пётр Иванович.

О туалетной бумаге и говорить не стоит. Её запасли столько, что всю нашу матушку Землю можно было по экватору обмотать не раз и не два.

На рынке у бабулек тесть с зятем скупили все шерстяные носки и варежки и один настоящий оренбургский платок.

– Это жене, – изрёк Волгин.

А в одном из гипермаркетов, увидев, как на кассы подвозят наполненные доверху продуктами питания тележки, Пётр Иванович сказал зятю на ухо:

– Смотри! Тоже не дураки, готовятся.

И тут же, переговорив между собой, они в отдельную тележку поставили ящик с водкой.

– Пригодится, – опять резюмировал Пётр Иванович. – Только ты, Гриша, заклей её получше скотчем, чтобы жёны наши не увидели, что там, внутри. Подальше от греха, как говорится. Пусть это будет наш с тобою НЗ.

Так и сделали.

Разгружали «Газель», когда совсем стемнело. Тут же сразу всё упаковали в целлофановые пакеты, рассортировали и расставили по полкам подвала. Одним из последних относили ящик с водкой. Гриша было ухватил его подмышку, но Пётр Иванович остановил приткого зятя.

– Я сам! Сам понесу. А то ещё ненароком уронишь. Наделаешь делов. Возьми-ка вон лучше аккумулятор. Эх, молодёжь, молодёжь! Всё-то вы торопитесь!

И потащил ящик в подвал.

Осень была на удивление тёплой. На огороде всё давным-давно убрано и уложено в тот самый подвал, который напоминал уже не подвал, а настоящую продуктивно-промышленную базу.

Два семейства соседских ёжиков, вероятно, и не думали впадать в зимнюю спячку. Ходили ежедневно на ночную охоту, потому как пёс Тишка с рассветом лаял, как всегда. А может, это просто стало его привычкой.

Всё шло своим чередом. И ни одна суббота не обходилась без бани. Она для Петра Ивановича была не просто гигиенической процедурой. Это был праздник!

Ближе к обеду он, не спеша, закладывал печку дровами, наполнял баки водой и с любовью поджигал. Дым сначала не спеша, как бы лениво, выходил из трубы сплошной тёмной массой. Потом всё светлел и светлел. И вот уже печка гудит, как паровоз. Не хватало только гудка.

Боясь пожара, Волгин никогда не отлучался из предбанника. Сидел на диване и смотрел на огонь. Языки пламени завораживали и успокаивали.

Первыми мылись Гриша и сам Пётр Иванович. Не спеша, обстоятельно парились каждый своим веником. Зять предпочитал дубовый веник, тесть же любил больше берёзовый.

– Берёзовый мягче, Гриша. И не дубит кожу, – поучал он зятя.

После парной они долго сидели в предбаннике и с удовольствием пили пиво. И при этом вели разговоры на разные житейские темы.

В этот раз, попарившись, они опять присели на диван. И вдруг, стукнув себя ладонью по лбу, зять выдал:

– Бать, так я ж сегодня пива забыл купить. Представляешь, на работе аврал, засуетился, и выскочило из башки!

– Э-э-эх! – только и выдавил из себя Пётр Иванович. Но через несколько секунд, точно как зять, стукнув себя по лбу ладонью, радостно произнёс:

– Гриша, а что это мы так переживаем? У нас же с тобой есть НЗ! Ты молодой, вот ключ. Беги в подвал, тащи сюда поллитра и пару банок тушёнки. Я сейчас принесу хлеб и ложки.

Никогда свиная тушёнка не казалась такой вкусной, особенно если её употреблять не вилок, а ложкой, с хлебом, да после рюмки водки!

Потом была следующая суббота. И опять: поллитра водки и две банки тушёнки.

А тут, как-то в среду, Пётр Иванович прямо с утра и брякнул:

– Валь, затоплю-ка я баню.

– Ты что? Сегодня же, Петя, не суббота.

– А чего её ждать? Мне совсем нетрудно протопить. Я ведь на пенсии, человек свободный. Дров у нас полно.

Хотелось сказать: да и тушёнки тоже хватит. Пётр Иванович уже и открыл было рот, но вовремя спохватился.

Так и пошло с тех пор. Баня два раза в неделю – в среду и в субботу. А это значит – литр водки и четыре банки тушёнки.

Но однажды жена Волгина спустилась в подвал за капустой...

Тесть с зятем как раз обедали. Валентина на кухню не вошла – влетела.

– Где два ящичка свиной тушёнки?

Григорий сразу же посмотрел на тестя. Но тот словно и не слышал вопроса. Встал и боком, боком направился к выходу, при этом напевая себе под нос:

Тили-тили, трали-вали,

Это мы не тили-тили,

Это нам не трали-вали.

Зять поспешил следом.

– Бесстыжие! Два ящичка тушёнки! И не лопнули! – вслед уходящим крикнула Валентина.

На другой день на подвале появился новый замок, а баню не топили с тех пор ни в среду, ни даже в субботу.

4

И вот уже 20 декабря.

Весь день, до самого вечера, все как-то странно себя вели. Вроде бы всё, как и всегда, – завтрак, обед, ужин. Между ними – дела по хозяйству. Но чувствовалась некая напряжённость.

О конце света никто не заговаривал. После ужина дочь с мужем сразу ушли к себе.

Пётр Иванович бесцельно бродил по двору, кричал на кур, перекладывал с места на место какие-то поленья. Жена, как всегда, возилась на кухне. Даже телевизор в тот вечер никто не смотрел.

Спать легли около десяти часов. Но не спалось. Волгин постоянно ворочался, кашлял, через каждые полчаса ходил на кухню, пил чай и опять ложился на кровать.

Ровно в полночь на улице повалил такой густой снег, что через несколько минут им покрылась вся земля. А он всё сыпал и сыпал.

– Начинается! – чуть слышно, почти про себя, произнёс Пётр Иванович.

– Господи, прости нас, грешных! – зашептала жена.

– Да погоди ты! Может, пронесёт на этот раз. – Пётр Иванович оделся, вышел во двор.

Около входной двери, на стенке дома, висел термометр. Ртутный столбик показывал два градуса ниже нуля.

– Замерзает матушка Земля! Как есть замерзает! – Пётр Иванович побрёл в дом.

Жена уже тоже оделась.

– Ну что? – с надеждой посмотрев на мужа, спросила она.

– А что? – правы были шумеры, я тебе скажу. Умные люди были. Сейчас таких нет и не будет боле.

Он сел рядышком, да так они и остались вдвоём сидеть на диване. И уже не говорили друг другу ни слова до самого утра.

На втором этаже тоже, видно, не спалось. Под тяжестью стокилограммового тела зятя скрипели то половицы в комнате, то ступеньки лестницы, то журчала вода в туалете.

До семи утра оставалось несколько минут. Погаснет свет или нет?

Но чудес, как видно, не бывает. Свет погас ровно в семь.

Пётр Иванович подбежал к окну, раздвинул шторы: посёлок стоял в крошечной темноте. Ни в окнах домов, ни на столбах – нигде ни огонька. На дорогах безлюдно.

Заколотилось сердце. Руки задрожали.

Заскрипела лестница. Из оцепенения вывел голос зятя:

– Бать, ну, что делать будем?

И тут Петра Ивановича прорвало.

– Как что? Одевайтесь все живо! Берите детей! Всем в подвал! Началось!!!

В подвале было темно и сыро. Зажгли свечку, но она почему-то горела слабо и постоянно трещала. Никто не разговаривал. Где-то в углу скреблись мыши.

Прошло около получаса. Начал чувствоваться холод.

– А может, мы зря сюда пришли, а, Петь? – откуда-то из-за бочки с квашеной капустой раздался голос жены.

– Да ты что! Сегодня даже Тишка не гавкал. Видать, ёжики сидят в своих норах. Не дураки. Природу не обманешь!

– Ага, пап, не дураки. Как мы, – огрызнулась дочь Светлана.
– Тоже сидим в норе. Две семьи. Тишке гавкать не на кого.

Прошло ещё полчаса. У Петра Ивановича начали мёрзнуть пальцы ног. Он попробовал шевелить ими – напрасно.

На ум пришло одно – НЗ.

Левой рукой в углу нащупал стеклянное тело. Тихонько отвернул пробку и уже выдохнув, хотел было сделать желанный глоток...

Сотня ватт ударила в глаза. Яркая вспышка света буквально ослепила всех, кто был в подвале.

– Ура-а! – закричала внучка Лена. – Свобода! Домой!

Все как-то сразу оживились, встали и направились к выходу. Пётр Иванович сунул поллитра с водкой во внутренний карман куртки, но на ходу успел шепнуть идущему впереди зятю:

– Гришунь, прихвати пару банок тушёнки. Погреемся.

– Не, бать, спасибо. Наелся я её на всю жизнь, аж тошнит. Пойду, посплю. Сегодня в ночную.

Вышли из подвала. Уже вовсю рассвело, но посёлок был весь в огнях, как в новогоднюю ночь.

– Бабуль, согрей мне чаю. Я пойду в школу. Не хочу прогуливать, – внучка Лена пошла переодеваться.

– А я, Петь, сейчас покормлю внучку завтраком и тоже пойду в магазин. Надо хоть свежего хлеба купить. А то всё у нас засушено да засолено. Надоело.

Петра Ивановича Волгина всё это словно оглушило. Он вышел на улицу. Там по дорогам уже вовсю сновали машины, детвора шла в школу, на службу спешил работный люд.

Как всегда.

Заскрипела калитка. Из-за неё показалась голова соседа.

– Михалыч, а что это твой Тишка сегодня не гавкал? А?

– Дык, Пётр Иванович, ён ишо вчера у меня убежал из дому. Цепь перетёрлась – и убежал. Ну, ничё! Набегайтца и прибежит домой. Голодный небось. А я ему открыл уже две банки свиной тушёнки. Завалялись тут у меня! Прибежит, отдам. Пускай лопают!

«Сразу по две банки, как мы с зятем», – подумал Пётр Иванович.

Сзади слышались шаги. По дорожке шёл начальник районных электрических сетей Виталий Петрович Мухин, старый друг Волгина.

– Доброе утро, Пётр Иванович!

– Здравствуй, Петрович! На работу?

– Да я вообще-то в отпуске. Да вот пришлось выйти. ЧП у нас в сетях. Представляешь, Петь, три месяца назад принял на работу нового электромонтёра. Лёшкой звать. Смышлённый, работяга, не пьёт. Одна беда – время от времени не может, чтобы чего не начудить.

Сегодня вот в семь часов утра взял да и выключил свет. Во всём посёлке! Представляешь? Хотел так пошутить. Ты же ведь знаешь, наверное, ходили тут сплетни о конце света. Говорили, что сначала отключится везде свет с утра, а потом будут ураганы, цунами, и амба всей нашей планете. Вот он и решил схохмить, население попугать.

– Так что это было? Просто шутка?

– Шутка, шутка, Пётр Иванович. А ты что думал? Конец света, что ли?

Мухин как-то хитро улыбнулся:

– Да, знаешь, Петро, какая фамилия у моего этого Лёхи? Во-век не догадаешься! Весёлый! Представляешь – Ве-сё-лый!

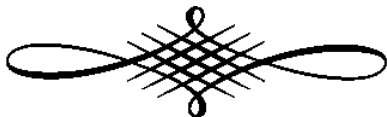
Ну, я ему сейчас повеселюсь! Долго будет помнить! Весёлый. И зашагал опять по дорожке. Только снег под ногами – скрип-скрип, скрип-скрип.

Пётр Иванович зашёл в дом. После подвала и улицы здесь было тепло и уютно. Не спеша снял куртку, достал из кармана свой НЗ. Налил целый стакан, выпил залпом и сел в кресло.

По телу разлилось тепло. Глаза стали смыкаться. Пётр Иванович Волгин уснул.

И снилась ему самая лучшая планета в Галактике – Земля, где столько зелёных лесов и голубых морей и океанов! И он сам – частица этой планеты!

А где-то, далеко-далеко от Земли, в глубины Космоса с громадной скоростью летела планета-убийца Нибиру с её кроваво-жёлтыми анунаками.

Наталья Викторовна КАНДАУРОВА

Живёт в Жуковке. Заведует библиотекой в посёлке Тросна Жуковского района, в настоящее время в декретном отпуске. Стихи публиковались в газетах, поэтических сборниках Жуковского районного литературного объединения «Стожары».

* * *

Небо на руках своих баюкаю,
Укрывая звёздным одеялом.
Мне сегодня над февральской выюгою
«Аве» ангелы поют хоралом.

Ленты радуг заплетаю в волосы,
Солнцем согреваюсь в ночь метельную,
Напеваю с ветром на два голоса
У кровати детской колыбельную.

Пред великим таинством рождения
Вдруг замру, как на пороге храма.
В жизни нить вплетая продолжение,
Я – не просто женщина, я – Мама.

* * *

Ещё не поздно возраст обмануть,
Сказать ему: « Постой, мне восемнадцать!
Вот-вот начнут мечты осуществляться.
Зачем ты хочешь спину мне согнуть?»

Ещё не поздно возраст обмануть,
В грядущее смотреть легко и смело,
Но волосы испачкал кто-то мелом,
И белизна прилипла – не стряхнуть.

Ещё не поздно возраст обмануть,
Сказать себе: «Мой друг, ещё не вечер!»
И юности отправиться навстречу!
... Но что ж так страшно в зеркало взглянуть?

* * *

Яблочная грусть
В брошенных садах.
Имя твоё пусть
Стынет на губах.

Золото ночей
Манит, как магнит.
Свет твоих очей
Для других горит.

Пляшет по листьям
Грушевый рассвет.
А твоим устам
Веры больше нет.

Позабывтый сад.
Яблочная грусть.
Кто же виноват?
Имя твоё... Пусть...

* * *

Наверно, расставаться лучше в осень,
Покуда за дождём не видно слёз.
Пусть журавлиный клин печаль уносит
Под шёпот увядающих берёз.

Зима разлуку припорошит снегом,
Но от потерь весна не защитит.
Кукушкин плач рассыпавшимся эхом
Прибавит недосказанных обид.

А лето лёд растопит и не спросит,
Осталось ли в душе твоей тепло.
Наверно, расставаться лучше в осень,
Когда увяло всё и отцвело.

* * *

Живет на краешке надежды
Осиротевшая душа.
Одета в бедные одежды,
Пьёт утром кофе не спеша.

А по ночам считает звёзды
В благоухающем саду.
В их тусклом свете очень просто
Поверить в светлую мечту.

О том, что где-то в час разлуки,
Чьё время так неумолимо,
К светилам ночи тянет руки
Её вторая половина.

* * *

Ты – моё одиночество,
Одинокое тоже,
Роковое пророчество,
Что не сбыться не может.

Ты – моё вдохновение,
Вдохновлённое Богом –
Озарит откровение
В двух шагах от порога.

Ты – моё сновидение,
Пробуждённое болью.
Ты – моё совпадение,
Что зовётся любовью.

* * *

Взлетела ночь, растрёпанная птица,
Рассыпав зёрна звёзд прозрачно-блёклых.
Седой луны заплаканные лица
Двоятся, отражаясь в мутных стеклах.

В молчании догорает сигарета.
Слова пусты, а помыслы – пристрастны.
Больной сентябрь спущенной ракетой
Догнать мечту пытается напрасно,

По Млечному Пути до перекрёстка,
Звеня воспоминаниями в кармане,
И тусклых медяков скупая горстка,
Подняв волну, утонет в океане.

Оставить надоевшую орбиту,
Утратив счет вселенским космовёрстам,

Сгореть очередным метеоритом
На полпути к давно погасшим звёздам.

Вдруг вспомнить, как заплаканные лица
Бледнеют в ожидании восхода.
И с первыми лучами растворится
Безумная иллюзия свободы.

* * *

Памяти Н.Л.Шиллина

Уходят поэты.
Хвостатой кометой
Спешат на далёкий Парнас.
Расплатится Лира.
От грешного мира
Умчит их крылатый Пегас.

В серебряных росах
Открытым вопросом
Останется призрачный след.
И быстрые строчки
Столбятся у точки
В надежде услышать ответ.

* * *

Под песни Стёша молотила рожь
И наливала воду у колодца.
Ей скажут: «Чай, не девка – всё поёшь!»
Она рукой махнёт и улыбнется.

Лишь только раз накрыла тишина
Пронизанные солнцем занавески.
– Эх, Стёша, и до нас дошла война, –
Сказал ей почтальон, вручив повестки.

А мужа проводив и сыновей,
Достала гладью вышитую скатерть,
Запела «Соловей мой, соловей».
– Пляшите, бабы! Завтра будем плакать.

Старухи же крестились: «Чёрт ей брат.
Хоть не людей, так Бога б побоялась».
Она же, отмахнувшись наугад,
Смеялась, пуще прежнего смеялась.

Взревёт, бывало, вражий самолет,
И бабы, как снопы, валились в слякоть.
А Стёша отряхнется и поёт:
– Вставайте, бабы! Завтра будем плакать.

А коли тошно так, хоть волком вой,
Когда случалось, таяла надежда,
То скажет кто-то: «Степанида, спой!»
И все поддержат: «Спой нам песню, Стёша!»

Идет победный первый эшелон!
Забыв былые ссоры и обиды,
В обнимку всей деревней на перрон.
– Ой, бабоньки, а где же Степанида?

Она ж на потускневшие глаза
Надвинула платочек вдовий тонкий:
В сорок втором легли за образа
Четыре пожелтевших похоронки.

Соленой влагой слёзы пролились
И часто-часто стали наземь капать.
Май расцветал, и бушевала жизнь.
Пришла Победа. Можно было плакать.

Валентина Александровна КРИСАНОВА

*Живёт в Жуковке. Пенсионер.
Окончила Литературный институт
им. А. М. Горького. Член Союза писателей
России. Публиковалась в различных
литературных сборниках. Автор
стихотворных книг «Имени твоему»
(1985), «Русалочки песни» (1994), «Синий
колодец» (2004), «Волшебная свирель»
(2015). Награждена медалью «В память
200-летия Ф. И. Тютчева».*

Книга

*«В золу времён осталась
только книга»*

Х.Борхес

Есть книга в старом переплёте –
Подруга давняя моя.
Я с ней в признательном полёте
На всех дорогах бытия.

В её страну не надо визы –
Струила б лампа тихий свет.
С ней не сравнится телевизор
И не заменит интернет.

Живя в её чудесном круге,
Ещё хотелось бы сказать

О книге – трепетной подруге,
С которой сладко засыпать:
Она – любовница и фея,
Она – волшебный эликсир.
Душой и сердцем молодея,
С ней забываешь целый мир.

2.

Она для сердца – хлеб насущный.
Я не могу прожить и дня
Без тех страниц, где прямо в душу
Взирает Муза на меня.

Как освежительная влага,
Весны звенящие ключи.
Я не скажу: мертва бумага,
Её касанья горячи.

Моё любимое мечтанье...
Она зовёт, она жива,
И вся исполненная тайны,
И ворожбы, и волшебства.

Она наперсница, и няня,
И утешительница мне:
Мы вместе странствуем в тумане
И вместе плачем в тишине.

Я дружбой этою согрета,
Пусть явь сурова, без прикрас.
Но здесь живет душа поэта
Со мной её крылатый час.

* * *

*«Ведает ли сеятель и семя,
Что пожнут, когда наступит время».*

Р.М.Рильке

Выходит книга – праздник для души,
Надежда, что хоть кто-нибудь услышит.
И может быть, тебе зачтётся свыше,
И Бог твои сомненья разрешит.

Взыскует слова чистая страница,
Взыскует сердце нового пути...
Она – в любви взлелеянная птица-
Став на крыло, сегодня улетит.

Уйдёт к другим птенец гнезда родного
В чужие незнакомые дома.
Она тобой взбаюканное слово,
Ребёнок твой, а может, ты сама.

Она теперь твой суд и оправданье,
Твой маленький, твой безымянный труд.
Собранье грёз, бессонниц и мечтаний,
Твоих рассветов нежный изумруд.

Твоё дитя, твой выкормыш крылатый...
А что, если чужие разорвут
И пёрышки растащат на цитаты?

Цветок

Марии Zubовой

Благослови игру ребёнка,
И в небе крылья жаворонка,
И каждый песенный глоток,
И каждый нежный завиток.

Талант – загадочный цветок
На этой солнечной поляне,
Где обитает Муза-няня,
Целую каждый лепесток.

И Муза – бабушка седая,
Пока дитя её резвится,
Она над ним летает птицей,
Своё вязанье забывая.

Ты и пленитель, и мечтатель
Стихов жемчужных и стрекоз...
Прими, возлюбленный читатель,
Создание невинных грёз.

Хмелей волненьем лёгких крыльев
И собирай, как пчёлка мёд,
Трудись и балуй изобильем
Тобою избранный народ.

Пусть окунаясь с головой
В сирень морскую, в кипень лета,
Несут в душе своей поэты
Цветок таланта голубой.

Цветок, где детство божьим словом
Хранит наш облик лепестковый.

День Татьяны

Сегодня утром рано встану,
Отринув праздничную лень.
Я вспомню бабушку Татьяну
И зим заснеженную звень.

Воскресный день – мороз и солнце.
Моя старушка – у икон,
Наш скромный домик в три оконца
Под крышу снегом занесён.

Так начиналась жизнь. И снова,
И обжигая, и маня,
Глядит из времени иного
Мой детский возраст на меня.

Летят с горы мои салазки,
Кружится прялка и звенит...
И вновь под бабушкины сказки
Душа взвивается в зенит.

Звенят морозные поляны
Под небом русских деревень.
Сегодня праздник – День Татьяны,
И это самый лучший день!

Как в храме, весь простор просвечен
Морозным солнцем января.
Берёзок тоненькие свечи
Студёным пламенем горят.

Позванивают колокольцы
Замёрзших веток в хрустале.
А детство где-то за околицей
Осталось в белой снежной мгле.

Лесной орган выводит фуги,
Альты рыдают в проводах,
И где-то в занавесях вьюги
На небесах играет Бах.

«Есть женщины в русских селеньях»

«Взять быка не просто за рога»

Лариса Соколова

Яркая, похожая на розу,
Афродиты истинная дочь.
В ней сошлись поэзия и проза,
Чтоб земную стужу превозмочь.

Как беспечно молодости пламя,
Музами овеяна мечта:
Вот она выходит из купальни,
Статями достойная холста.

Маленькая звёздочка вселенной –
Искорка бессмертной красоты.
Дышит жизнь движеньем вдохновенным
И копьём качает золотым.

Дерзкое – «хочу», а не «желаю»,
Ногу в стремя и – во весь опор...
Ей не надо вашей хаты с краю,
Ей к лицу – опасный косогор.

Нет, она не мученица грёзы,
Не пчела над чарою цветка.
Ей смешны лирические слёзы-
Матадор выходит на быка.

Есть творенья, сказанные кровью,
И чернил не надо кипятить.
К грациям, израненным любовью,
Благосклонны Музы во плоти.

И плевать на то, что скажут люди,

Ей любовь на части сердце рвёт.
И в аду она тебя добудет,
И в раю она тебя найдёт.

И не важно – с кем тут поединок,
Кто тут – бык, а кто тут – матадор?
Чья – Победа? Или чей – Позор?
Сердце просит песни лебединой.

Сверчок

Мерцает лампа. В свете зыбком
Томит осенняя тоска.
Но вот с высот вступает скрипка
С невинной песенкой сверчка.

И пробуждается улыбка
На голосок его хрустальный.
Он сам себе смычок и скрипка,
Он просто ключик музыкальный.

Уже давно остыла речка
И лето красное прошло,
Но вот запел дружок запечный,
И на душе опять тепло.

И под прерывистые трели,
Перебирая прядки сна,
В своей сверчковой колыбели
Я долго буду вспоминать:

Как гуси-лебеди летели
Под синей радугой метели,
Как в этой сказочной глуши
Нет ни одной родной души.

Пусть зачаровывает стужа,
Пусть серый волк царевне служит,
Но есть в моём углу родник –
Дружок, забавник, чаровник.

Мой музыкант – философ грёзы.
Дух одиночества – не в счёт.
Твои серебряные слёзы –
Поющей истины смычок.

Весь из чудесной яви соткан
Волшебной скрипки господин.
Мерцает лампы свет нечёткий,
И ты при лампе, Аладдин.

Стихи.ру

«На безбрежном перегнуто стихиры»

Мне не уйти из этой сети.
Всю ночь дрейфую в интернете,
Как мореплаватель Синдбад.
Меня несёт реальный ветер
И нереальный звездопад –
На небесах полночных бдений.
Тут, может быть, не каждый гений,
Но каждый истинный талант.

Таких чудес на этом свете
Я не встречала до сих пор:
Какие люди в интернете,
Какой немереный простор!
Какой масштаб, какие крылья!
Тут просто праздник изобилья.

Душа ликует и поёт,
Как будто я попала в мёд.

Поэты! Боже мой, поэты!
Здесь на просторах интернета
Душа навстречу к вам летит.
Гудит поэзией планета,
Щебечет, щёлкает, свистит!
Бесценный скарб ночей и снов.
Я потрясаюсь до основ.

Пчелиный рой, как некий гений
В работе, в дерзости, в стремленье.
Здесь на безбрежном перегное
Всё, как в садах, кипит весною.
И тут же море чепухи
Свои разводит лопухи,
Как человечество грехи –
И плагиат, и графоманство, –
Всё сорняковое убранство.

На свалках мусорных стихий
Победно царствуют стихи.
И до утра то там, то тут
Цветы лазурные цветут,
Как незабудки на картине.
И во всемирной паутине
Я залипаю, как в меду.

Нет, я в постель не попаду.
Перед лицом таких сокровищ
Морфей ресниц мне не закроет.
Я вижу сказку и мечту:
Сирены, эльфы, гномы, феи...
Резвится сказочный народ.
Я так, наверно, не сумею.

Прощай, реальный огород!
Ты зарастешь теперь травой
На виртуальном перегное.

«Алхимия слова»

Ян Парандовский

Служенье Муз алхимии сродни
И трижды засекреченная дверца.
Кипят чернила, странствуют огни,
На тайный зов спешат единоверцы.

Немного звёзд в зеницы уронив,
Бессонница бредёт меня баюкать.
Мой дух – фанат фантазий и чернил.
Алхимия – чудесная наука.

Был разум чист, пока профессор Кант
Не распахал познанием сознанья.
О, Творчество – небесный музыкант
Неведомого Божьего блистанья.

Ты хочешь знать, как тайна велика,
Как музыка перстам его послушна
И как заходят в череп облака
Лить кровь Шопена в жаждущую душу.

Алхимия, твоих алкая чар,
Люблю итог стремлений и попыток,
Как будто пьёшь божественный нектар
И к высшей тайне доступны открыты.

Рубашка Божьей Матери

Заступница – Небесная Царица
Однажды зимним вечером ткала.
Тканина звёздным бисером струится,
Причудливы господние дела.

И эта вот высокая поблажка,
Как оберег хранит его от бед.
Поэзия – волшебная рубашка.
И счастлив он, теплом её согрет.

Идёт по свету – сердце нараспашку-
В рубашке Божьей Матери поэт.
И тянет лепестки к нему ромашка,
И незабудка просится в букет.

Его пьянят полынь и медуница,
И мотыльки садятся на рукав.
Душа поэта вольная, как птица,
С богинями щебечет в облаках.

Ему под ветром ива веткой машет
И кланяются в поле васильки.
Ты скажешь: «Лох, добра себе не нажил».
А я скажу: «Сокровище – стихи!»

Когда-нибудь тебе подскажет Разум,
Кто в этом мире истинно богат:
Над головой – Вселенная в алмазах,
А под ногами – травы в жемчугах.

Его перо – и скипетр, и держава,
А слово – солнца слиток золотой.
Душа поэта выстрадала право
Беседовать с небесною звездой.

Валентина Петровна КРОМОДАНОВА

Живёт в селе Ржаница Жуковского района. Пенсионер. Публиковалась в районных и областных СМИ, в поэтических сборниках Жуковского районного литературного объединения «Стожары».

Суд

Судили женщину. Она сидела на скамье, сложив на коленях руки, и отрешенно смотрела прямо перед собой. Зал заседания был полон, приглушенно гудел на разные голоса, большая часть которых были непримиримо – осуждающими.

– Встать!»! Суд идет! Слушается дело

Женщина не слышала этих слов, ее мысли были далеко отсюда...

Яркий солнечный день. Легкий ветерок нежно касается шеи, лица, рук. И вокруг неутомное, восторженно – радостное многоголосье.

Над водной гладью реки шум, смех и голос ее Аленки:

– Мамочка! Посмотри, ну посмотри, как я умею!

Шестилетняя девочка радостно плескалась в воде на ярко-красном спасательном круге у самого берега. С улыбкой помахав дочери рукой, прикрыла глаза. «Выходной! Можно не думать о работе, о вечно недовольном начальнике. Только солнце, песок

и радостный голос дочери! Это счастье!» Женщина мыслями перенеслась в ту весну, когда в такой же солнечный день впервые увидела свою долгожданную кроху, услышала ее звонкий крик. Дочь! Понимая, что с этой минуты жизнь наполняется новым смыслом, а сердце таким огромным, всепоглощающим чувством любви, она заплакала.

– Ну что ты, глупенькая! Все хорошо, дочь у тебя, радоваться надо!

Акушерка внимательно посмотрела и добавила:

– А, поплачь, милая! Плакать можно и от счастья.

...Ее мысли прервали громкие крики. Вскочив, женщина увидела несущийся к берегу катер, бросилась бежать вниз, надеясь успеть раньше, споткнулась о чье-то одеяльце, больно упала на живот и, как в страшном сне, заметила красный спасательный круг, исчезнувший под бортами вылетевшего на берег катера, и крик...

Ее глаза искали и не находили Аленку. Из катера вытащили пьяного мужчину, который до конца еще не осознавал всю беду. Испуганные дети плакали, но, как ни вглядывалась, женщина не видела среди них дочь. В предчувствии беды её крик отчаяния прорезал толпу...А потом темнота.

...Очнувшись, попыталась повернуть голову.

– Пожалуйста, не шевелитесь. Нельзя.

– Где я?

– В больнице. Все позади. Только не двигайтесь.

Медсестра сосредоточила внимание на показаниях мониторов, стараясь не встречаться взглядом.

– Дочь! – вдруг вспомнила женщина. – Где моя дочь?

– Сейчас я позову доктора, – хлопнула дверь палаты.

...Удар молотка вернул ее к реальности:

– Слово предоставляется прокурору...

Да она помнит прокурора, не этого, другого, он тоже читал обвинение, а на этой скамье сидел мужчина и нагло смотрел ей

в лицо. А глаза будто говорили: «Не захотела принять деньги и думаешь меня посадить? Наивная»... Не помнила, как вышла из зала, оглушенная приговором.

«Условно?! Да какие смягчающие обстоятельства?! Её дочь, ее кровинушка в могиле, а он будет жить и радоваться жизни?...»

Ноги сами несли ее к цели. Асфальт, трава, песок... Она опомнилась: «Где я?» Закатные лучи скользнули по борту катера. «Да, да, это тот самый. И, может быть, уже завтра его хозяин-убийца помчится, рассекая волны. Значит, смягчающие обстоятельства?» Оглядевшись по сторонам, женщина метнулась к катеру. «Так! Какие там обстоятельства? Ну что ж, будут тебе «обстоятельства». Ну, а дальше как Бог даст. Должна же быть высшая справедливость!» Сейчас она боялась только одного: чтобы не помешали.

... – Слушаются свидетели обвинения. В зал приглашаются...

Она возвращается, не чувствуя раскаяния, не думая, что будет завтра. Показалась ограда кладбища. На могиле дочери игрушки, цветы, их много. С фотографии улыбается девочка. «Доченька моя! Мое солнышко! Моя радость! Я очень люблю тебя! И я всегда, всегда буду с тобой»...

– Слово предоставляется защите.

«Напрасно старается. Я не просто хотела убить его – я убила! И мне все равно, что будет со мной, ведь самое страшное в моей жизни уже случилось».

Удар молотка:

– Встать! Суд идет. Слушается приговор.

Первый снег

Первый снег на землю застывшую,
Словно бег, осторожный, с оглядкой.
Нынче белую, черной бывшую,
Мелким почерком, длинною грядкою.

Чуть коснувшись ветвей нечаянно-
Скользом вниз, где ровнее, где горкою.
Тонет, падая так отчаянно,
Студит ветку рябинушки горькую.

Утро глянет восходом солнечным –
Снег заплачет водицею талою.
Дробью частою, звуком розничным –
Мокрым холодом в землю усталую.

Современная Джульетта

Отошла на скромность мода без причины.
Но девчонкам нет на то большой кручины.
Обряжаясь в неприступную личину
И совсем не хоронясь от глаз людских,
С банкой пива, с сигаретою Джульетта,
Вся по моде «Леди бомж» – почти раздета,
Ты пера достойна вольного поэта,
Отошедшего от тем и дел мирских.
Ты всегда готова быть раскрепощенной,
И при этом не казаться непрощённой,
Непонятной или очень упрощенной –
Только быть сама собой, какая есть:
Ко вниманию мужскому чуть небрежной,
В наказании – всегда холодно-снежной.
Но душой такой ранимой, чуткой, нежной,
Что бороться за тебя – всегда за честь!

Берешите матерей

Встретила старушку на скамье,
В темном полушалке, взор поникший.
В этот миг припомнился тут мне
Горестных событий день давнишний.

Осень. Зарядивший на ночь дождь
Вниз стекает по лицу старушки.
– Ну, куда ты, милая, бредёшь?
С сумкой яблок, в узелке ватрушки.

В выцветших глазах такая боль!
Будто крик отчаявшейся веры.
Вальс звучал Шопена « Си-бемоль»,
Вместе с ней оплакивал потери.

Мысли путались, сверлила мозг одна:
– Сыночка, Ванюша, день рождения...
К вечеру приехала она,
Слала телеграмму в воскресенье.

Что ж случилось? Может, не успел
С почтой тот листочек незаметный?
Был некстати среди важных дел:
Ждал семью круиз – такой заветный!

Вот скамейка. Шла к ней по росе.
Села, гул в ногах. И ноют плечи.
Вспомнила, как праздновали все
Дома: зажигали в торте свечи.

Первым, как всегда, вставал отец,
Шли и пожелания по кругу.
Ну, а все подарки – под конец.
Море радости, любви друг к другу.

Мама! Пусть чужая! В сердце стон,
Мокрая скамейка – преисподня.
Слез не трать! Да нет! Это не он!
Зря ты просидела день сегодня.

Лет уж пять, как дома не был он,
Редко утруждал себя звонками...
Вдруг чуть слышно раздается стон.
Обхватив корзиночку руками,

Медленно сползла старушка вниз,
Яблоки посыпались в лужи.
Ну, а сын? Он продолжал круиз,
С музыкою завершая ужин.

Люди! Берегите матерей!
Рядом с ними солнышко смеется.
Мир любви и чище, и добрей!
Ну, а равнодушие к вам вернется!

Последняя просьба

Солнце день к закату близит не спеша.
Меркнет жизнь солдата, чуть жива душа.
Взгляд спешит за солнцем, час иль два подряд,
Блики за оконцем радуют, бодрят.

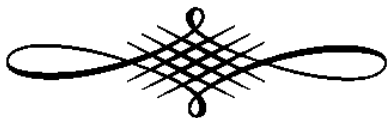
Орденские планки, китель на парад
Ждут уже впустую года три подряд.
Губы что-то шепчут, сын склонился вниз,
Вняв, главою сник он: «Вновь подходит криз.

Скорую!»! – «Не надо! – голос враз окреп, –
Вот еще награда – ваш больничный склеп!

Ты меня к могиле наших земляков,
Вставших против силы вражеских штыков,

И непобежденных в страшном том бою,
В мрамор облаченных, навсегда в строю –

Сын мой! Заклинаю! Отвези туда,
Где под ветром, знаю, в рябь бежит вода.
Там хочу я встретить свой последний час!
Плачешь»? « Нет, то ветер!» – «Так вези ж сейчас,
Время не теряя. Где же ордена?
Пусть увидит взвод мой: кончилась война!»

Александр Александрович НИКИТИН

Живёт в Жуковке. Пенсионер. Стихи публиковались в литературных альманахах, коллективных поэтических сборниках, в областной и районной периодической печати. Автор книги стихов «Облаком небо играло...» (2014). Дипломант V Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2 место в номинации «Философское

стихотворение»). Член Международного Союза писателей и мастеров искусств, Брянского областного литературного объединения Брянского отделения Союза писателей России.

* * *

И опять эта осень,
Опять эти грустные мысли.
Изумрудов, рубинов
И золота след конфетти.
Словно щедрой рукой
Пошалили счастливые дети,
Повзрослеют детишки,
И мир будет в красках зимы.
Обезличенно белым
Накроет ушедшее с богом,
И останется только
Щемящее чувство тоски.

Холода отвлекут
И заставят, заставят премного
Или двигаться чаще,
А может, и печь растопить.
А сейчас только осень,
Сейчас эти грустные мысли
Багажом в туюсок
Да подальше на дно от себя,
Чтоб потом доставать и рассматривать
Яркие листья,
Вспоминать, как шуршала листвой
Без забот детвора,
Понимать, что вполне без границ
И без граней возможно
Быть счастливым премного
В пределах границ бытия,
Понимать, что по силам, конечно,
Что это возможно.
И опять на пороге, опять холодов белизна.

Всё-то

Иду за собою, собою ведомый,
В сознании треплется росчерк строфы.
Листок на ветру, как видения в коме:
Песок, чернозём или клок синевы?

Вечерней дорогой, заснеженным лесом
Всё ближе и ближе к огням городским.
На ёлках заснеженных холодно бесам,
Что делать им здесь, когда лес нелюдим.

Иду за собою, так, видимо, надо...
Знакомый ландшафт, но как будто впервой.

Что легче представить: вид рая иль ада?
В ответе и прячется ждущий связной.

И не от того ли вечерней дорогой,
Заснеженным лесом шагалось легко.
Дорога казалась совсем неширокой,
И город был рядом, недалеко.

Иду за собою, собою влекомый,
И не любопытство, не жажда пути.
Я принял на веру, за аксиому:
Всего-то и надо, что надо идти.

* * *

Звёзды тоньше иглы портняжной
Прокололи ночной небосвод.
Я по небу взором бродяжьем
Всё плутаю, космос зовёт?

Или просто душе одиноко
Среди душ неприкаянных здесь?
Не скажу, что кругом безнадёга,
Не скажу, что мир полон чудес.

Всё чего-то ищу, жду ответа
От привычно-молчащих небес,
От застывших в ночи зёрен света.
Слишком мал восприятия вес?

Но мороз загоняет под крышу
К тёплой печке, к живому теплу.
И опять я с экрана услышу:
Тесно в мире добру жить и злу.

Пора

Последний снегопад – безмолвное «Прощай»,
Мне ж эхом отголоски прежних дней:
Чуть с грустью и бравадою: «Бывай,
До темноты прощальную испей,

Что б без остатка, полную, до дна».
Затянутый у пьесы был финал.
И снегопад, как занавес. Пора
Театру новой пьесой тешить зал.

А снегопад мне в сердце, словно боль,
И в голове такая пустота,
Что не поможет даже алкоголь.
Уходишь – уходи. Тебе пора.

* * *

1.

Для каждого свой мир, когда бы захотелось.
И каждый в нём творец, паяц или факир.
Когда один для всех, чревата – оголтелость,
Как старенький костюм, заношенный до дыр.

У смелости есть враг – незнание законов,
Плетение дорог, проложенных вчера.
У трусости есть враг – прозренья эпигонов.
И копим мы врагов до смертного одра.

И, кажется, тупик, природа задремала,
Но эволюция неспешна и тиха.
А хочется сейчас и что б она внимала
Желаньям человеческим. Но правильно глуха.

Раз так, тогда есть жизнь для опытов немалых,
Не блещущая слишком долготой.
Возьми венец, колпак. Не сразу, в интервалах
Их испытай удачей и бедой.

А после, как факир, попробуй выйти в люди
И докажи, что нет удачи и беды.
И после приготовь себя к другой причуде:
Подбрасывать неверия плоды.

2.

И во вселенной дней, ночей и вечеров.
(А утро, как всегда особняком.)
Не избежать тебе предъявленных даров,
Как разницы меж миром и мирком.

Тень раздумий

Тень неясных раздумий, разбуженных солнечным ветром.
Засквозило, да так что опять заболел непростым,
В восприятии вольно идущим себе стихометром.
И лекарств не найти. Испишу эту тень. И болезнь словно дым...

А пока буду едким дышать или ладанным бредить...
И сквозить стихометром, страниц чистоту искропав,
Буду белое с чёрным, как водится, в строчках соседить.
Между ними тона. Сотню тонн, как руду, перебрав.

Буду что-то ловить, отпускать на свободу и волю,
Проявлять в поедании смыслов и думный протест.
Обуздав, не сгореть бы в лучах на пути в ореоле.
К сердцу солнца дойдя, не снести тяжкий крест.

Оттого ли тревожит, щадит этот солнечный ветер?
Испытующе тенью, опять обозначив себя,
Бытие словно явь, словно призрачный вечер,
Словно утро, знобит, до дневного тепла.

* * *

Если в облако головой –
Макушке будет прохладно.
Мыслей вихор чумовой
Легче укладывать ладно.

А в солнце, пожалуй, что нет
Слишком кипяще-жарко.
Даже на краткий момент,
И вечная жизнь огарка.

Радуга – нимб земной.
Мост в берега эмоций.
Солнце и дождь над тобой,
А ты прогуляться охочий.

Птицей ли ввысь взлететь,
Взглядом ли прочность мерить?
Главное, захотеть,
Главное, поверить.

А сочетание мер
разности превеликой.
Радуга ли не пример
В жизни такой многоликой?

* * *

Нищенкой бродит любовь по садам Авалона,
Носит в котомке осколки разбитых сердец.
Вера утрачена, грустная песнь непреклонна.
Спорят о вечном, как прежде поэт и мудрец:

– Знаешь ли ты, что такое смотреть на солнце,
Будучи яблоком спелым после мороза?
– Знаешь ли ты, что от глупости Сент-Авалонца*
Выцветшим эхом любви умирает роза?

Спящею сказкой тревога в груди Авалонца,
Чувства пугают восторгом, смятением, тоской.
Больше тревожит земли плодородное лоно
То, что поможет наполнить амбары мукой.

– Знает ли он, что такое смотреть на солнце,
Будучи яблоком спелым после мороза?
– Знает ли он, что от глупости Сент-Авалонца
Выцветшим эхом любви умирает роза?

Думы о вечном сплетаются с думой о хлебе,
Сказка проснётся в груди, и сады зацветут.
Грани растают, и жизнь станет сердцу милее.
Это непросто, но важно. Нам чувства шепнут.

– Знаем ли мы, что такое смотреть на солнце,
Будучи яблоком спелым после мороза?
– Знаем ли мы, что от глупости Сент-Авалонца
Выцветшим эхом любви умирает роза?

* Тема Сент-Авалонца предложена Олегом Михеевым.

Переплетений бесконечность

1.

Скормил с утра краюху хлеба птицам,
Сам перебился чёрным кофейком.
Курил, идя навстречу скучным лицам,
А день уже дрожал в ногах клубком.

Пнуть не решился, он же сам куда-то,
Раскручивая суть в тугую нить,
Катился и с витийством адвоката
Пытался жизнь округи объяснить.

2.

Дай осмотреться, дай вчитаться в лица.
Не торопись. В названьях улиц путь,
Который выбирает, выбирают
По силам, что бы все-таки шагнуть.

Что остаётся

Карма карманом, сумой, чемоданом.
Грузом, не то багажом.
Быть знатоком жизни или профаном,
Всяко хлебнётся ковшом.

Всяко – двойко, двойко со вкусом
В выборе формы ковша.
Вечером ты не ведёшь даже усом,
Утром нутро торгаша.

Не сторговаться, не откупиться.
Домыслы разума – ноль.
Что остаётся? Только влюбиться.
Сердцу по силам юдоль.

Ольга Юрьевна ПРИЛЕПОВА

Живёт в Жуковке. В настоящее время в декретном отпуске. Публиковалась в районных газетах, в поэтических сборниках Жуковского районного литературного объединения «Стожары».

Не носите, бабы, брюки

Не носите, бабы, брюки!
Чтобы женщинами быть,
Ни из моды, ни от скуки
Лучше брюки не носить.

Ведь не носят юбок пышных
Косари на сенокос.
Сохранив, что дал Всевышний,
Не стригите длинных кос.

Не командуйте мужьями,
Позабросив стол и дом,
И, гоняясь за деньгами,
День проведши за рулём.

Не носите, бабы, брюки,
А пеките пироги,
Нянчите детей и внуков.
Брюки носят мужики...

Спасение

Свирепо воют на планете океаны,
Грозят нас потопить в невиданных волнах,
А мы, залиывая от стихии раны,
Дерзим, держась едва ли на своих ногах.
Чуть слышно говорят луга, поля и реки,
И будто шепчут в унисон озёра и моря;
«Куда же вы спешите, люди-человеки,
Наживы жаждой, жадностью и злом горя?
Не рассуждаете, что будет завтра с теми,
Кто жизнь вам даром дал, кто дал вам даром кров.
Иль уж, безмозглое вы паразитов племя,
Вы есть, чтоб проливать здесь ежечасно кровь?
Свою в войне и божьих тварей – птиц, зверей,
Что подеваться никуда от вас не могут
И ждут, когда же явится им на подмогу
Хоть кто-то, кто-то человеческий из людей.
А этот кто-то сердцем и душой бесстрашен
И не боится мерзопакостных словес,
Зато спасёт он жизни всем – и нам, и вашим,
Польёт живительной водой и древний лес.
Давно заброшено, забыто множество дерев,
Что очень долго ждали свежих волн речных,
Насытит, чтоб собой и влить чарующий напев,
Что воскресит из стана мёртвых в строй живых.
Тогда и старый заскорузлый древостой
Проснётся ото сна, как Пушкина царевна,
Стряхнув с себя последний чёрный лист сухой,

Увидит снова рядом город и деревни.
Но будет мир уже совсем-совсем иным.
Там радуга мостом под солнышком прогнётся,
Не будет боли, горя, смерти и вины,
А только счастье детским смехом разольётся...»
Но сколько будет ждать и мучиться Природа?
Когда от сна очнётся у людей душа?
Какие будут беды и какого рода,
Чтоб захотелось человечеству дышать?
Барахтаемся мы в грязи своих отходов,
Уже давно нет пищи чистой и воды,
А люди – духом и физически уроды,
Цивилизация, пожни свои плоды!
Чтоб не скатиться в эру к древним обезьянам,
Давайте сделаем зимою белым снег,
И мирно спят пускай великие вулканы,
И гордо засияет имя – Человек!

*Что сделал, русский,
ты для Родины своей?*

Что сделал, русский, ты для Родины своей?
Когда по Ней душа твоя болела?
Чтоб сыном быть России, не предать кровей,
И нет другого для тебя удела.

Когда ты припадал к своей родной земле,
Когда свой род благодарил за долю,
Что с глубины веков в их необъятной мгле
Имеешь и судьбу свою, и волю?

Когда у матери ты руки целовал,
Сидел под сенью дуба у истока,

Когда, нащупывая свой причал,
Искал предназначение земного срока?

Когда благословлял взрослеющих детей,
Тянулись к свету что, как юные деревья,
Мужающих в тени родительских ветвей
В дубраве старой на краю деревни?

Когда ты, русский, станешь предков вспоминать,
Что головы за Родину сложили,
Тогда с небес сойдет святая благодать,
И слава будет у России, стать и силы!

Деревня

Старые избышки
Средь лесов, полей:
Вьются деревушки,
Сердцу нет милей!
Шелестят берёзки,
Петухи кричат,
Лошади в повозке
От езды храпят.

Пахнет в доме хлебом,
Тёплым молоком.
Ласковое небо,
Вишня под окном.

Гуси вереницей
К озеру бредут,
В печке борщ томится,
Деток есть зовут.
Ребятя гуляет,

Не спешит домой,
То в лапту играет,
То затеет бой.
Хлопец, с ног сбивая,
В хату забежит,
Кашу уплетая,
Ложкою стучит.
Сам розовощёкий,
Даром, что в грязи,
Но уже высокий –
Мамка, не грози!
Рваная рубаха,
Локти все в крови.
Маленькая птаха,
Радуйся, живи!
А в садах деревья
Свой приносят плод,
Ведь живёт деревня,
Ведь ещё живёт!

Дом

Слышу возгласы людские:
«Бога не гневи!
Есть квартиры городские,
Радуйся, живи!»

Не согнув свои коленки,
Я скажу опять:
«Можно как четыре стенки
Домом называть?!»

По заброшенному полю
Клёны там и тут,

Будто выбраться на волю
В свою сень зовут.

Руки ноют по земле,
Рвётся в лес душа,
Не нужны мне град-столицы,
Жить хочу, дыша!»

И поеду на деревню,
Подойду к сосне,
Звуки жизни всё напевней
Льются в сердце мне.

Тихо шепчут: «Глянь повыше!
Где-то здесь твой дом
С белым аистом на крыше,
Будь счастливой в нём!»

Наталья Михайловна ПУГАЧЁВА

Живёт в Жуковке. Работает преподавателем в Жуковской средней образовательной школы №1 имени Б.В.Белявского. Член Международного Союза педагогов-художников. Автор книги стихов «Признание» (2018).

Признание

Люблю я лето, зиму, осень,
Но более люблю весну,
Чуть-чуть забрезжившую просинь
Меж облаков и тишину.
Уже мороз сдаётся утром.
Уже метель крадётся в ночь,
И небо чистым перламутром
Весну встречает, словно дочь.
Капли в розовом сиянье,
Под солнцем ярко-белый снег.
Люблю, весна, твоё дыханье,
Твоё молчание и смех.

В Михайловском

Предутренный холод... Зари пробужденье.
Над озером тихо плывёт благодать.
Белеет скамейка, её отраженье...
Стоит неподвижно сосновая рать.

И копыя-верхушки смыкаются с небом...
Мы рядом с Михайловским бродим сейчас,
Где сказка и быль, а, быть может, и небыль
Застали нас в этот предутренный час.

Луч солнца дорожку забросил на воду
От мостика к острову с белой скамьёй.
Как будто бы мы по медовому броду
Могли бы отправиться в гости с тобой

К той сказке, где прячется в ветках русалка,
Где кот-говорун притаился в тиши.
Становится даже немножечко жалко,
Что мы уже взрослые, не малыши.

Дорожка растаяла,... нет сожалений –
С высокого неба спускается свет.
И чудится нам поэтический гений –
Великой России великий Поэт.

Время

Усадьба. Парк, дворянский дом...
С колоннами под скатной крышей.
Музейный дух витает в нём.
Часы стоят, но мы их слышим.

Блуждает время в тишине
По залам, напоённым светом.
И зелень яркая в окне
Теплом полуденным согрета.

Летает время меж деревьев,
Минуя белые скамейки,
Глядит, на берегу присев,
На лебединые семейки.

Грустит у светлого пруда,
Где одинокая беседка.
И уплывает, как вода,
Цепляясь стрелками за ветки.

Венеция

Завидую я Алексею Толстому.
Как здорово этак в четырнадцать лет
Уехать в Венецию, честное слово!
И ты ещё молод, а всё же поэт!

Сошедши на пристань, мальчишеским взглядом
Окинуть причудливых арок узор:
Дворец, что построили Дожи, а рядом
Колонны и Марка Святого Собор.

Лагуны зелёную гладь, как из сказки,
И лодки гребные, и чаек полёт.
Торговцев палатки, картины и маски,
Толпящийся рядом весёлый народ.

Он скоро уедет, но нет, не забудет
Венецию, Старой Италии след.
В «потерянный рай» возвращаться он будет,
Как в сказку о прошлом, ещё много лет.

Алёша напишет: «Впал в настоящую «тоску» по Италии, доходил до такого отчаяния, которое заставляло меня, дитя, отказываться от пищи, а ночью рыдать, когда мои сны заносили меня в мой потерянный рай».

Пишем метель

На белый лист – небелая метель,
Кисть красками стелила ей постель,
Легла, но продолжала всё мести
И с зимней кистью разговор вести.
Из серой пелены рождались вдруг
Дома, деревья, ели, снег вокруг
И небо мутно-золотых тонов
Над кронами очерченных стволов.
Седые пряди сбросила метель
И улеглась в пушистую постель.

Последние дни зимы

Полями золотыми и голубыми реками
Раскинулась над городом небесная лазурь.
Морозным чистым воздухом мир до краёв наполнился.
Не слышно за окошками февральских снежных бурь.

Нас снова солнце радует, и иней блещет радугой.
И тени всё контрастнее, и свет ещё сильнее.
Скрипит снег под подошвами, под полозом, колёсами,
И вновь присел на веточку хохлатый воробей.

Какая сила гонит волны

Какая сила гонит волны
От средиземных синих вод!
Какими красками наполнен
Заката алый небосвод!
И гребни закипают пеной,
И с шумом плещут волны тут.
Неистово и незабвенно
На критский брег они бегут.
И светлячками в синем небе
Летят на зов морской волны
Сюда, где был, сюда, где небыль,
Туристы с дальней стороны.

Поэтессе

Валентине Крисановой

Вы всё ещё совсем девчонка
С росинками жемчужных бус
На шее трепетной и тонкой,
Чуть горьковатых на вкус.

И вот уж осень осеняет
Небесным взглядом старый сад.
И прядки седины цепляет
Под вздохи ветра листопад.

Девчонка... Мысли дремлют в сказках,
В ветвях под пологом зари.
Зима спускается в салазках,
А щёки словно снегири.

Взлетает грусть, мечта кружится
Под белоснежной пеленой.
Как неопознанные птицы,
Они взлетают над землёй.

И Вы кружитесь вместе с ними,
Стихи слагая на лету.
Валюша, Валя, Валентина –
Душа, одетая в мечту.

*Моему папе
посвящается*

Развернул гармошку Миша!
Пробежался по басам.
И пошёл дробить, как слышал,
Что да как, не зная сам.

То-то сердце зацепило!
То-то на душу легло...
Вот она, та Божья Сила!
И, конечно, ремесло!

И гармошечка всё пела,
Всё играла на лады...
Сколько вёсен пролетело,
В лето кануло воды!

Головой седой склонялся
Над гармошкой гармонист.
Пятернёю пробегался
Он по кнопочкам. Артист!

И, гармошку прижимая,
Он с улыбкой говорил.
«Ах, гармошечка, родная!
Сколько ты давала сил!

Никогда не предавала,
Никогда не подвела.
И на свадьбах танцевала,
И в печалях берегла».

Вот и всё... Молчит гармошка,
Светлой памятью грустит.
Папы нет. И так, как в прошлом,
С ней никто не говорит.

И найдётся ли мальчишка,
Что гармошку в руки взяв,
Заиграет так, как Миша.
Сразу в несколько октав!

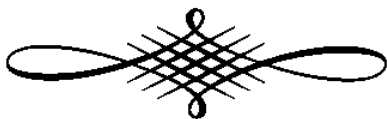
Какой прекрасный выдался денёк

Весь сад в росе. Окно открыто – лето.
Росинки серебрят лучи рассвета.
И воздух чистоты необычайной.
Я это всё увидела случайно.

Запел петух. Он кур ведёт по лугу.
В траве заметил новую подругу:
Алеет гребень. Золотятся шпоры...
«Кудах! Кудах!» Взметнулись разговоры.
Для кур побег такой не чепуха.
Кто может быть важнее петуха!

Ах, лето. Одуванчиковым цветом
Оделся луг. Роса ушла с рассветом.

Гусар-петух увёл подруг в тенёк.
Какой прекрасный выдался денёк!

Валентина Петровна СЕРЯКОВА

Живёт в посёлке Гостиловка Жуковского района. Пенсионер. Стихи публиковались в периодической печати, в коллективных сборниках. Автор сборников стихов «Живи, родимый край» (2015) и «Всё это было» (2018).

Россия

Над родной Россией синева небес,
Реки – ленты сини, в дымке тает лес,
Светлые озера – девичьи глаза,
Родники живые – чистая слеза.

Поле золотое, изумрудный луг.
Зрелость и цветенье – жизни вечный круг.
Светятся на солнце купола церквей,
Все неповторимо в красоте своей.

Мирная Россия, как ты хороша!
У твоих просторов широка душа.
У тебя и горы, и морская ширь,
Ты защита веры и планете мир.

Отчий дом родимый, пусть звучит окрест
В небе над тобою звонкий благовест.
В колокольном звоне был призыв, набат,
На защиту Родины шел твой сын – солдат,

Чтоб не смог захватчик жизнь у нас отнять,
Не лила чтоб слезы ты, Отчизна-мать.
Чтим и славим павших, не хотим войны,
И стоят на страже верные сыны.

Память воздикою цветет

В деревне, засыпанной снегом,
Залитой осенним дождем,
Весною обласканной Богом,
В саду неужоженном дом.

Не дом, просто старая хатка,
Пристроены сени к стене.
В ней век доживала солдатка,
Вдова, муж погиб на войне.

В той хате уютно и чисто,
Портреты родных на стене,
И Матери образ Пречистой
В киоте. Цветы на окне.

Татьяна вставала с рассветом,
Готовила в печке обед.
Красива, опрятно одета,
А в косах серебряный след.

И память ее уносила
В те светлые дни до войны.
Сынов берегла и растила,
Что были в любви рождены.

Солдатка работала в поле,
Косила и жала хлеба.
Нет времени думать о доле,
Какую дала ей судьба.

Сыночков поднять поскорее,
Отправить учиться бы их.
Чтоб жизнь для них стала светлее,
Работала мать за двоих.

И дети учились, мужали,
Военными стали сыны.
Свободу и мир защищали,
Хранили народ от войны.

Гордилась сынами Татьяна,
В округе таких не сыскать.
Похожи на мужа Ивана,
И та же отцовская статья.

Был летчиком старший в Корее,
С высокой наградой Герой.
(Ах, жизнь! Ты игра, лотерея!)
Живым не вернулся домой.

Кричала она, причитала,
Седела и старилась мать.
Беда была только началом,
Конца не предвидеть, не знать.

Надеждой жила, что меньшому
По службе хоть как повезет,
Военному чину большому,
Он в мирное время живет.

* * *

И выросли старшие внуки,
Отцовской дорогой пошли,
Премудрость военной науки
В учебе они обрели.

Вот первые звезды в погонах,
Парадная форма к лицу,
Наследники славы исконно,
Чеканили шаг на плацу.

Вручили дипломы курсантам,
Поздравили старшие их.
Отправились в путь лейтенанты
К местам назначений своих.

Мечтали они о карьере,
Стремилась упрямо вперед.
Росли на отцовском примере.
Пускай им теперь повезет.

На выпуске внуков Татьяна
Сквозь слезы смотрела парад.
Шептала: «Нет деда Ивана,
Не может увидеть внучат.

Не видит Алеша, их дядя,
Сыночек Алешенька мой», –
На внуков все думала, глядя,
Сын в памяти был, как живой.

* * *

Вернулась в деревню Татьяна.
Обычная сельская жизнь.
За чаем с соседкой Ульяной
Беседы о внуках велись.

Казалось бы, тихая старость
Досталась старушке седой,
В душе ее теплилась радость,
Светилась далекой звездой.

Носила цветы на могилу
Сыночку Алеше она.
Духовная крепкая сила
Наверно, ей свыше дана.

Писали ребята: «На службе
Все мирно. Посадка и взлет,
Солдатская верная дружба,
Освоили МИ – вертолет...»

И добрые письма от внуков
Елеем на душу лились,
Звучали мелодией звуков
И в красках зарею зажглись.

То слышала рокот моторов,
То шум винтокрылых машин.
Хозяева синих просторов
Врывались в небесную ширь.

Была она будто бы рядом,
Со внуками стала служить,

Посты, караулы, наряды,
Полеты, посадки. Их жизнь

Не вдруг стала жизнью старушки.
День каждый был им посвящен
В той маленькой чистой избушке...
Шумит за воротами клен,

И стройный дубок подрастает,
Из желудя выращен он,
Деревья в честь внуков. Все знают:
Дуб – старшему, младшему – клен.

Все мысли о внуках Татьяна
На сердце своем берегла.
Любимых Алешу, Ивана
На отпуск в деревню ждала.

Но черные вести сразили –
Любимому внуку – Афган.
Жизнь старенькой мамы скосили
Награда и «черный тюльпан».

У церкви, на месте приметном,
Березы, как воины, в ряд
Стоят в карауле бессменном,
Где мать и герои лежат.

И павшим за мир поклониться
Приходит весной народ,
Поют и щебечут им птицы,
И память гвоздикой цветет.

Деснянская легенда

*«Дела дано минувших дней,
Преданья старины глубокой...»*

А. С. Пушкин.

Иду вдоль берега Десны
Под сенью ивняков,
Картины чудные весны
Уносят в глубь веков.

Здесь буйство красок, пенье птиц,
И шепот волн, и плеск.
Вода студёная криниц
И солнца яркий блеск.

Богат, суров был край лесной.
По берегам реки
Дремучий лес стоял стеной:
Сосна, дубы крепки.

Деснянский правый берег крут.
Славяне с давних пор
По племенам селились тут,
Защитой был им бор.

Причалы, пристани везде –
Встречать купцов-гостей,
Что курс сверяли по звезде,
Держась речных путей.

Купцы вели свои суда
К торговым городам.
Большого стоило труда,
Ждала опасность там.

Где берег был особо крут,
Заросший лесом яр,
В пещере жил разбойный люд,
Всем правил Кудеяр.

Встречали ласково купцов,
Корчма недалеко,
А там хозяев и гребцов
Ограбить им легко.

Добычу в общую казну,
Довольные собой,
Несли, и предавались сну,
Чтоб в ночь вести разбой.

Так протекло немало лет.
И множилась казна.
Разбойников кровавый след
Лишал округу сна.

Однажды ехала княжна
В карете расписной,
Красива, молода, нежна –
Бутон цветка весной.

Мечтала в монастырь попасть,
На исповедь пойти,
Не знала: лютая напасть
Ждала её в пути.

На небо выплыла луна,
И надвигалась ночь.
И дрёму юная княжна
Не в силах превозмочь.

Но вдруг вокруг кареты крик,
Ругательство, возня,
Внутри её чужак проник,
И началась резня.

Девуцу, мамку, слуг казнит
Разбойничий отряд.
И братьям Кудеяр велит
Прикончить всех подряд.

Карету, тройку лошадей
И ценности забрать.
А золотые вор-злодей
В пещеру нёс опять.

Казна – сундук в пещере той
Чуть-чуть неполон был,
Один вместился б золотой.
И Кудеяр добыл.

Под вечер путник шёл домой,
Он не купец, не князь,
Лесной тропюю, по прямой,
Куда-то торопясь.

Опасен путь в глуши немой,
Но мать давно ждала,
И торопился сын домой –
Она больна была.

Таился Кудеяр, как зверь,
Добычу поджидал.
Убил он молодца теперь,
Червонец отыскал.

Его не дрогнула рука,
В глазах веселый блеск.
Откинул крышку сундука...
И вдруг раздался треск

И гул, и грохот под землёй.
Злодеи пали ниц,
И свет потух, и страх змей
Заполз в сердца убийц.

И рухнул вмиг пещеры свод!..
Мир помнит о братках,
А Кудеяр, разбойник тот,
Как символ зла, в веках.

Где проливала кровь княжна,
Забил живой родник,
Вокруг него земля влажна,
Цветок к ручью приник.

Весной он украшает ключ,
В невинности святой
Так нежен, хрупок, не колюч,
Сияет чистотой.

Колодец встал над родником,
Живая там вода.
Туристам, грибникам знаком,
Идут к нему всегда.

Сияет утром солнца луч,
Купает звезды ночь,
И грозových в нем сила туч,
Он всем готов помочь.

Менялись люди и страна,
Прошли с тех пор века,
И много тайн хранит Десна –
Она – легенд река.

Течёт, бежит меж берегов
К Днепру, где Киев-град.
Друзей видала и врагов,
Нет для неё преград.

Селенье наше с давних пор
Гостиловкой зовут.
Скорей всего, гостиный двор
Давал купцам приют.

И если ты когда-нибудь
Приедешь в гости к нам,
Целебный ключ не забудь,
Испей водицы там.

Гори, солдатская звезда

Оставив братские могилы,
Ушла в историю война,
И в «Книге памяти» застыли
Солдат убитых имена.

От Сталинграда до Европы
Рубцами на лице земли
Траншеи, блиндажи, окопы
Великой болью пролегли.

В музей громадою стальною
Уходят танки, поезда,
А боль натянутой струною
Звенит, не смолкнет никогда.

Ведь в каждом доме или хате,
В альбоме, в рамке на стене –
Портрет, как память о солдате,
Геройски павшем на войне.

Солдат! Нет выше в мире званья!
Он предок был и мой, и твой.
Храни в душе воспоминанье
О тех, кто шел в смертельный бой.

Из поколенья в поколенья
Должны мы детям передать,
Где пал солдат, в каком сраженье
Он защищал Отчизну-Мать.

Пусть будет свята память эта
В народе нашем навсегда!
На обелисках, как примета,
Гори, солдатская звезда!

Труд поэта

Объяла ночь крылами землю,
И сонмы звезд зажглись над ней,
Живее спит или чуть дремлет
Все, от растений до людей.

Погасли окна, тишь немая
Накрыла город, реку, лес.
И песня ангелов святая
Струится на землю с небес.

И сны цветные видят дети,
И сладко спится взрослым тут.
Нет, кажется, тревог на свете,
Забыв дневной тяжелый труд.

Лишь свет в одном окне сияет
В том, где волшебствует поэт.
Ночь темы, рифмы навевает
И с музой в сердце ярче свет.

В душе кипят порывы страсти,
Как пчелы мысли жалят, жгут.
И от нахлынувшей напасти
Слились все чувства в яркий жгут.

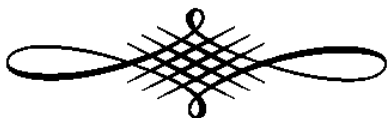
Сплелись любовь с изменой вместе,
И зависть черная, и злость,
Коварство, верность – все на месте,
И новая любовь, как гость.

К утру – готовое творенье.
В окошке заалел рассвет.
Последний штрих к стихотворенью,
И никнет головой поэт.

Проснувшись, начинает правку:
«Вот тут не то, и там не так,
Слова не те, здесь сделать вставку,
Неясен смысл», – кипит чудак...

Работа сделана, все точно:
И смысл, и рифмы, и размер.
Найти бы слушателя срочно,
Жену иль друга, например.

Узнать, какое впечатленье
В душе останется у них,
Чтоб получил благословенье
Родившийся ребенок – стих.

**Антонина Васильевна
ТЕРЕХОВА**

*Живёт в Жуковке. Пенсионер.
Публиковалась в районных газетах,
в поэтических сборниках Жуковского
районного литературного объединения
«Стожары». Автор книг стихов «Только
для вас» (2015) и «За семью далями»
(2018).*

Судьба

В поле чистом ветер свищет,
Поднимая снег столбом.
По дорогам волки рыщут,
Мысли их лишь об одном:

Чем бы можно поживиться
Ну, хотя б на день-другой?
Под рябиною волчица
В забытьи уж день какой.

Неудачная охота:
Залп картечью прямо в грудь.
Возле топкого болота
Предстоит прервать свой путь.

И шагнуть в ту пропасть-бездну,
В мир, отрезанный чертой...
Жизнь потухнет и исчезнет,
В вечный спрячется покой.

Дарит ягоду рябина,
Как последнюю любовь.
На снегу горит рубином
В каплях брызнувшая кровь.

А внутри сжигает жажда –
Раскалённые угли.
В бой бы ринуться отважно
На людей, что подожгли

Лес и логово родное.
Лютый вспомнился ей год...
А в кошмаре жар рекою
И огнём объятый брод.

Так безжалостно и страшно
Лес горел, взвивался дым,
Видели, как гибнет старший
В красном пламене их сын.

В дружной паре с сильным самым,
Волком умным, непростым,
Грелись белыми снегами,
Шли к истокам родовым.

Начинали жить сначала,
Полосу пройдя невзгод.
В тёплом логове взрастили
Дружный серый свой приплод.

Больше нет ни сил, ни жажды,
Боль уходит, смерть кружит.
И тяжёлый выдох каждый
С кровью в белый снег летит.

Из последних сил вдыхая
Воздух чистый голубой,
Вдруг волчица, умирая,
Издавала предсмертный вой.

И летел тот вой, сбивая
Шапки белые снегов,
Душу, сердце надрывая
И касаясь облаков.

Был он словно знак победы,
Знак триумфа над судьбой.
Отошли земные беды
И прощание с собой.

Только вороны над лесом
Вьются, крыльями дрожат,
Только ели занавесом
В караульный стали ряд.

* * *

Так хотелось всегда мне вернуться домой,
За окном моя осень с пожухлой листвой.
Вместе с ней я грущу, память дней ворошу,
И везенья, и счастья немножко прошу.

Помню, в юности дальней свой домик из грёз,
Сладкий сок по весне – слёзы белых берёз.

Почернели ступеньки родного крыльца...
Моим годам исканий не видно конца.

Помню, небо в ладонях качало меня,
Синева окрыляла, свободой пьяня.
Но течёт моя жизнь, я не спорю с собой,
Проживая года, рассчиталась с судьбой.

И летят сквозь метели, ветрами сквозя,
Неудачи, потери. Забыть их нельзя!
Только вот почему-то мне снится во сне:
Плачет жёлтым дождём моя юность по мне.

Из-за давности лет не погас милый свет,
Что меня обнимал, обещая рассвет.
Я родных и Всевышнего благодарю
За любовь, и за сон, и за то, что творю.

* * *

Милый мой, единственный
Край, судьбой обещанный.
Синий взор таинственный,
Грустью занавешенный.

За седыми далями
Дом родной, заброшенный.
Вьюгами, печальями,
Снами запорошенный.

Может, я и грешница:
Отчий дом оставила.
Жизнь, как пересмешница,
Играла да лукавила.

Край ты мой задумчивый,
С вечным небом венчанный.
У речной излучины
В мои объятия встреченный.

Муравлиный крик

Я слышу в крике журавлей
Зимы холодное дыханье
И дней недолгое прощанье
С поблекшей зеленью полей.

Я слышу в крике журавлей
Произнесённые губами
Слова: «Прощайте, я не с вами,
Мгновенья юности моей».

В последнем крике журавлей
Я слышу нежность и обиду,
Когда исчезнет клин из виду
За рощей старых тополей.

Я слышу: в крике журавлей
Есть иступленье от печали,
Есть только то, о чём молчали
Глаза покинутых друзей.

Я слышу в крике журавлей
Непроизвольные рыданья,
Лишь в миг последний расставанья
Пустое небо меж ветвей...

* * *

Убежать бы сейчас босиком,
Затеряться бы в детстве далёком,
Исходить все дороги пешком,
Заблудиться в лесу ненароком.

Отыскать ключ хрустальный тайком,
Не нарушив святые устои,
И с пригорка слететь кувырком,
Чтоб испить травяные настои.

Бесконечно смотреть в синеву,
С облаками прощаться навеки,
И, уснув, видеть сон наяву,
Чуть прикрыв повлажневшие веки.

Всё осталось за радугой лет,
В босоногом и призрачном детстве.
В нём тот тёплый и ласковый свет,
Вечный сонм и полёт под оркестры.

У иконы поставлю свечу.
Прочитаю молитву, вздыхая:
– Помоги мне, Господь! – прошепчу...
Что прошу? И сама я не знаю.

* * *

Заплутало небо среди сосен,
Улеглось на мягкие макушки.
Это значит, снова скоро Осень,
Бархатного августа подружка.

Закружатся по аллеям листья,
Задевая невзначай прохожих,
Мимо скверов, мимо обелисков
Полетят, на бабочек похожи.

Затуманится дождями город,
Зазеркалят на асфальте лужи,
Облетят деревья, снова холод
О себе напомнит зимней стужей.

Только синеглазые апрели
Зазвенят, пробудят к новой жизни,
Разлетятся, разнесутся трели
По просторам дорогой Отчизны.

Поэзия

Как тонкий штрих напоминаний,
Пройдётся по моей судьбе
Поэзия! Страна мечтаний
Влечёт безудержно к себе.

Неведома. Светла душою,
Вся зазвенит, лишь только тронь,
Искрой, зажжённой рукою,
Сверкнёт по жилам, как огонь.

И серебром на лист страницы,
Прозрачной россыпью дождя,
Зарёю летней на ресницы
Спадёт, по радуге пройдя.

Она во всём: в цветах сирени,
В мгновениях, в земле родной,

В прекрасных звуках из свирели,
В капелях, что звенят весной.

Поэзия – страна мечтаний!
Чиста, как первая любовь...
Свежа от чувственных признаний!
Она как жизнь во мне, как кровь.

Мой крест

Говорила мне мать:
«Сто дорог пред тобой,
Не спеши выбирать,
Будь верна лишь одной».

Не послушалась я,
Что теперь горевать?
Дал мне Божий судья
Сто дорог испытать.

И шагнув за порог,
Притворив тихо дверь,
Ощутила восторг!
Хочешь, верь иль не верь.

И пошла налегке,
Понесла я свой крест,
Был он лёгок в руке,
Словно Господа перст.

2

Но с годами невмочь
Было в гору идти.

Крест нести день и ночь,
И порядки блюсти.

Всё старалась пройти
Сто бескрайних дорог.
В этом долгом пути
Голос сел и продрог.

Руки ломит – терплю,
Ноги тоже болят,
Горизонты в хмелю
Миражами дрожат.

Как хочу я сейчас
Постучаться в окно,
В ранний, поздний ли час,
Но за шторкой темно.

На колени упасть,
Повиниться во всём...
И такая напасть –
Слёзы льются ручьём.

Вот бы снова сказать:
«Мама, двери открой...»
Только осень опять
Кружит жёлтой листвой.

3

И стараюсь тащить
Я свой крест за спиной,
Сил своих не щадить
Потому, что он мой.

Будто горб в позвонок
Через кожу пророс,
Белой нитью уток*
С сединою волос.

Без него, знаю я,
Будет мне тяжелей.
Он – мой Крест! Полынья!
Совесьть! Груз моих дней.

*Уток – поперечная (горизонтальная) система направления параллельных друг другу нитей в ткани.

Отведи

Отведи нас, Господь, от неверных друзей,
От болезней, врагов до скончания дней.
Не забудь про меня и услышь сердца стук,
Все поверья развеи предстояньем разлук.

Обновляется жизнь, чуть меняя свой круг,
Отведи от невзгод, разделяя досуг.
Обними же меня благодатной рукой,
От несчастий и бед тёплым взором укрой.

Отведи мою жизнь от насилья и зла,
С оцущеньем любви, чтоб по руслу текла.
Закачается вдруг надо мной синева,
Отведи! Отведи! Будет чистой канва.

Снова Бога прошу: «На заре разбуди!
От любимых, родных только не отведи.
Даже там, высоко, всё решать не спеши,
Сохрани милый свет моей слабой души».

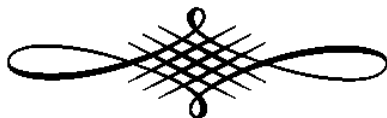
Непрочитанное письмо

Снится сон-полубред: старый дом и река,
Запах стойкий от кофе, кружит аромат.
Кофе я не люблю, мне стакан молока
 Попрошу и на плечи наброшу халат.

Что сегодня? Февраль? А февраль весь в снегу,
Голубиною почтой принёс мне письмо.
Молода ещё там, где себе я не лгу,
И на мне сарафан с голубою тесьмой.

Защипало в глазах. Неразборчивость строк,
От которых нельзя оторваться никак,
Отбывали в конверте пожизненный срок
Моя верность, любовь и судьбой данный знак.

На распутье стою между явью и сном,
И дрожащей рукой закрываю конверт.
Всё ищу, не найду, где же старый тот дом,
Дом, в котором темно, не горит больше свет.

Татьяна Геннадьевна ФИЛИНА

Живёт в Жуковке. Много лет преподавала в школе. В настоящее время работает в детском саду. Стихи публиковались в коллективном сборнике литературного объединения «Стожары».

Бабушке Моне

Люблю, когда огонь в печи,
Лишь утренний рассвет забрезжит,
И солнца первые лучи
Меня касаются небрежно.
Ещё не хочется вставать,
Всё тело в полусладкой дрёме,
А в кухню с тестом хлопотать
Спешит неслышно баба Тоня.
Уж слышен запах теста в доме.
Трудом её волшебных рук
Стоят горшки в печном проёме
И с тестом сковороды вокруг.
А вкусный аромат начинки

Таких душистых пирожков:
С капустой, яблоком, малинкой
Манит, манит без всяких слов.
Пирог с черёмухой... А с рыбой!
Ватрушки с творогом – мечта!
...Эх, если б всё вернуть могли бы
Мы в те далёкие года.

Моя Родина

Из пологих гор,
И отвесных скал
Устремляет взор
Старина Урал.
Ворвался в простор
Неба синего
Облаков узор
Тонким инеем.
Солнца первый луч
По верхам бежит,
Силу горных круч
Осветить спешит,
Вод озёрных гладь
Синеглазую
И тумана прядь
Седовласую.
Тишиной твоей
Насладиться бы.
Красоты самой
Не испить до дна.
Ключевою твоею водицею
Утолить свою жажду сполна!

Потери

С годами близких мы теряем...
О, как утраты нележки!
Уже через ворота рая
Прошли родные старики.
Они, словно в полёте птицы,
Теперь глядят на нас с небес.
Жизнь тяжела не на страницах,
Душа как опустевший лес.
Судьба прошла по ним войною,
Жестоко крылья опалив,
Оставив мать навек вдовою
И сердце болью очерствив.
Всё было: голод. и разруха,
И в поле первый колосок,
Ботинки на двоих с сеструхой,
И в радость сахара кусок.
Недоучились мы, недолюбили
И рано начали взрослеть.
А матери помочь спешили,
Своим теплом сестёр согреть.
Жизнь всё равно не пощадила:
Трудились, не жалея рук,
Здоровье тратя своё, силу,
Друзей теряя и подруг.
Но ловим взгляд любимых лиц мы
На фото в рамке за стеклом,
И остаётся лишь молиться
И вспоминать о них с теплом.

Родительский дом

Дороги, дороги, что ведут домой,
Мысли и тревоги о тебе со мной,
Мысли и тревоги о тебе, родной.
Где пути-дороги, что ведут домой?
И тепло, и ласка, там, у очага.
Кто-то жёлтой краской выкрасил луга.
В поле меж колосьев васильки цветут,
А лесные тропы к родникам ведут.
Видно, сильный ветер повалил забор,
А в саду всё так же слышен птичий хор.
По корове плачет бабушка моя,
Тихо слёзы прячет, от меня тая.
Нет её, любимицы, мало пожила,
Лучшая кормилица на селе была.
Ветхим стал от времени опустевший дом,
А когда-то весело, шумно было в нём.
Мелкий дождик сыплет, каплями звеня.
Баба Тоня плачет, проводив меня.

Поэзия

Поэзия – тончайшая наука.
Творить её не каждого удел.
И то дитя, рождаемое в муках,
Достоинно не всегда. И где предел?
Она порой красива, мелодична
И льётся песней, словно ручеёк.
Бывает и резка, категорична –
Призыв к решимости или намёк?
Не каждому даётся стать поэтом,
Здесь нужен дар, особое чутьё.
Но хочется так прикоснуться где-то,
Попробовать чуть-чуть перо своё!

Полосатая жизнь

Сегодня радость у меня:
Смеюсь я и ликую.
Моя душа полна огня-
Люблю себя такую.
А завтра черной полосой
Печаль-тоска накроет.
Прольётся ливнем дождь косой,
И вновь душа занует.
Вот так всю жизнь штормит меня:
В огонь бросает, в воду.
Где б взять лихого мне коня
И обрести свободу?

Последний день декабря

Декабрь опять всех удивил:
Давно замёрзшие дорожки
Он, рассыпая, словно крошки,
Снежком пушистым одарил,
Дома и лес посеребрил,
Словно прощаясь понарошку.
Смотря в нарядные окошки,
Он восхищался и грустил.
И вот последний час пробил...
Ушёл декабрь, он не был жарким.
Лежат под ёлкою подарки.
В свои права январь вступил...
Что новый год нам принесёт?
Все процветания желают.
Мечта, как снег, в ладонях тает,
Но всяк надеждою живёт!

* * *

Летний дождь

Вороньё с утра кричит,
Шумом раздражая.
Вот и дождь уже стучит,
Каплями играя.
Так упрямо по стеклу
Громко барабанит.
Дождик летом – то к теплу:
Быстро перестанет.
Вот прошёлся по листьям,
Звонко напевая,
По деревьям и кустам
Щедро поливая.
Не скупясь, всех напоил:
И луга, и травы.
И от зноя защитил
Рощи и дубравы.
Ярким цветом обновил
Сада увяданье
И приятно удивил
Свежестью дыханья.

В любом тв образе прекрасна

О, женщина – такое чудо!
Она прекрасна и светла!
Спустилась, словно ниоткуда,
Богиня нежности, тепла.
И в этой жизни растворилась,
Даря добро и красоту.

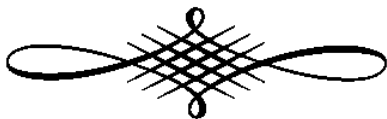
То яркой осенью явилась
Сияя красками в цвету,
То белоснежной и пушистой
Ступила в шубке меховой
Зимой морозной и искристой
На снег жемчужно – голубой.
То сочной зеленью весенней,
Дыханьем свежести полна,
Весёлым, бодрым настроеньем
Предстала с радостью она.
Как будто в сказочном преданье,
Меня образ вновь и вновь,
Идёт прекрасное создание
И снова дарит нам любовь!!!

Что такое жизнь?

Жизнь – это тайна, жизнь – это мука.
Это серьёзная, странная штука.
В ней есть и счастье, и радость, и смех,
Может быть, драма, а может, успех.
В жизни есть горе, потери, страдания.
Тяжкая ноша – воспоминанья.
Жизнь – это близкие: мама, отец,
Дети и внуки – семья, наконец!
Это – согласие или борьба.
Что нам укажет злодейка-судьба?
Есть в ней богатство и беднота,
Но без труда ни туда, ни сюда.
Жизнь – это карта, как она ляжет?
Кто это знает? Время покажет.
Главное в жизни – порядочным быть.
В мире, любви и согласии жить!!!

Моя Россия

Люблю тебя, моя Россия!
Обворожительная Русь!
Ты величава и красива,
И тем, что дочь твоя, горжусь!
Люблю зелёные просторы,
И лучик солнышка в окно,
И рек волнистые узоры,
И рек волнистые узоры,
Плетут что тонко полотно.
Любуюсь белою берёзкой,
Листвой, шуршащей на ветру,
И пеньем птиц, звучащим броско
И так бодрящим по утру.
А в поле зрелый колос спеет,
Коров пасущихся стада,
То дождь идёт, то солнце греет.
И вольно дышится всегда!!!

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	3
Архипов Владимир Валентинович	4
Баранова Валентина Лазаревна	14
Баранова Галина Александровна	22
Берзин Вячеслав Петрович	32
Бычкова Валентина Георгиевна	44
Васечкина Маргарита Викторовна	60
Зубова Мария Ивановна	70
Иволга Николай Григорьевич	79
Кандаурова Наталья Викторовна	96
Крисанова Валентина Александровна	102
Кромоданова Валентина Петровна	113
Никитин Александр Александрович	120
Прилепова Ольга Юрьевна	128
Пугачёва Наталья Михайловна	134
Серякова Валентина Петровна	142
Терехова Антонина Васильевна	156
Филина Татьяна Геннадьевна	167

**АЛЬМАНАХ ЖУКОВСКОГО РАЙОННОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ**

Подписано в печать 00.09.2018 г. Бумага офсетная.
Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура Baskerville.
Усл. печ. л. 10,23. Заказ № 0000. Тираж 100 экз.

Отпечатано